PG 3447
.V9R3
1864

1865

A.D. 1907

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS 1800

Class BGR 2578

Book .V5

YUDIN COLLECTION

1865.

Vysota, Aleksandr

Razskazy

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

СТАРИННАГО ПИСЬМОВОДИТЕЛЯ

Александра Высоты.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ КОММИСІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ,
ГОГЕНФЕЛЬДЕНА И КО.
1864.

PG3447
.V9R3
1864

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Февраля 1864 года.

2414384

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			стран.
Гл.	I.	Мертвое тѣло	1
—	II.	Темное дѣло	18
—	III.	Кража	25
—	IV.	Починка крыши	45
—	V.	Исполненіе рѣшенія	54
—	VI.	Замѣтки	65
—	VII.	Судейскіе ерши	81
—	VIII.	Капиталъ съ процентами	92
—	IX.	Судейскій ершъ и полицейскій карась	100
—	X.	Судейскіе ерши	110
—	XI.	Выигрышъ дѣла	117

I.

МЕРТВОЕ ТѢЛО.

О-хо-хо. какъ подумаешь. сударь мой, чего не бываетъ въ свѣтѣ?.... Какихъ чудесъ не творится. какихъ дѣлъ не производится?!.. Вотъ, для примѣра. разскажу вамъ исторійку.... Это было давно... Гм!... да.... точно.... Ну-да, въ которомъ-бы тамъ году ни было, только—было, а именно, когда служилъ въ нашемъ губернскомъ городѣ квартальнымъ надзирателемъ Илья Петровичъ Шельмобитовъ, а я письмоводителемъ у него былъ.... Жила, знаете, въ ту пору, у насъ, въ кварталѣ, въ деревянномъ домикѣ на канавкѣ, мизерную квартиренку нанимала одна старушка, такъ-себѣ, ханжа — богомолка какая-то, баронессою Ропенъ прозывалась.... Жила она одиночкою — никого къ себѣ не принимала, одинъ только священникъ, да и то рѣдко, къ ней ходилъ: извѣстное дѣло — ханжа была: душеспасительныя бесѣды любила; дома, что называется, никогда не сидѣла, все по городу болталась: милостинку, кому и чѣмъ могла, раздавала; прислуги у себя не держала — дворникъ всѣмъ у нее

заправлялъ: носилъ, по утрамъ, воду, да помои выливалъ—только и дѣла ему было, такъ все и маялась... Ну-съ, такъ въ одно утро входитъ къ намъ, въ контору дворникъ того дома, гдѣ жила старушонка, да и говоритъ, что баронесса наша куда-то пропала: недѣли съ двѣ какъ въ квартиру свою не является. „Ну пропала, такъ и пропала", думаемъ себѣ съ Ильею Петровичемъ, „шутъ съ нею".... Отобрали, разумѣется, отъ дворника свѣдѣніе: когда, молъ, что и какъ; пошли въ квартиру старухи, опечатали ея имущество, а, — нечего дѣлать, надо правду сказать, — при этомъ не оказалось потомъ серебрянаго кофейника да пары столовыхъ ложекъ, которые были у баронессы; и по порядку, донесли объ отлучкѣ баронессы начальству, стало — и дѣлу конецъ.

Только, сударь мой, спустя день или два послѣ того, какъ послали мы свое донесеніе, даютъ знать полиціи сосѣдняго съ нами квартала, что къ берегу рѣки Норы, — такая рѣка у насъ протекала, — приплыло мертвое тѣло неизвѣстной женщины, лежавшее въ сундукѣ.... Полиція того квартала сундукъ и тѣло вытащила и, въ свою-рядь, донесла объ этомъ по начальству.

Сами, теперь, изволите видѣть, что два происшествія сошлись почти въ одно и тоже время. Начальство прочитало донесенія, наше и сосѣда нашего, и — призадумалось: „нѣтъ, думаетъ себѣ, тутъ что-то неладно.... Гм!... Баронесса пропала

безъ-вѣсти—это первое; мертвое тѣло женщины.... почемъ знать?—второе; въ сундукѣ найдено всплывшимъ. значитъ — было убійство и притомъ умышленное: утопленникъ въ сундукъ не залѣзетъ — это третье.... Раскрыть дѣло необходимо!...“ Такъ.... Призвали Шельмобитова и поручили ему розыскъ по этому дѣлу....

Страсть-охотникъ, нужно вамъ сказать, былъ Илья Петровичъ до подобныхъ порученій — это была его кобылка, на которой онъ всегда выѣзжалъ, да это-бы еще ничто: катайся себѣ сколько хочешь, но пакостей не твори; а то, бывало, какъ заноровитъ наградишку какую получить, такъ и чортъ ему не сватъ: будь хоть какіе неровные концы — онъ все-таки къ одному узлу пригонитъ.

Ну-съ, такъ поручили Шельмобитову розыскъ по этому дѣлу. Заходилъ Илья Петровичъ. Недолго думая, маршъ къ сосѣду въ кварталъ, гдѣ всплыло мертвое тѣло; по разспросамъ тамъ, кого слѣдовало о томъ, какъ всплыло тѣло-то, кто вытащилъ и — на съѣзжую въ часть, куда спровадили уже трупъ.... Вскрылъ сундукъ, поглядѣлъ — видитъ: баба, тѣло попорченное, безобразіе неподобное: узнать по рожѣ ничего нельзя; на бабѣ темнаго цвѣта платье, чепчикъ каленкоровый съ фалборками, холщевая сорочка, кожанные башмаки, да пестрый платокъ на шеѣ. Поглядѣлъ эдакъ на все это внимательно, — я тоже здѣсь былъ, — осмотрѣлъ сундукъ, взялъ меня съ собою и — въ квартиру баронессы: разуз-

нать и опросить сосѣднихъ жильцовъ — не знаетъ-ли кто чего.... Пріѣхали мы. Пошла тревога по всему дому. Илья Петровичъ — сейчасъ же за допросы: „когда и какъ скрылась баронесса?... кто знакомъ съ нею былъ?... кто къ ней ходилъ?“ и прочее, что требовалось. Сосѣди, конечно, показывали, что они съ баронессою никогда знакомства не имѣли, хлѣба-соли не водили, никто изъ нихъ къ ней не ходилъ, и когда и какъ она скрылась — не знаютъ, но извѣстно имъ, что ее посѣщалъ приходскій священникъ, а прислуживалъ дворникъ, потому что прислуги она не держала....

— Ладно! — говоритъ Илья Петровичъ, попросите сюда священника!...

Послали за священникомъ. Дворникъ былъ тутъ.

— Ну, теперь, господа, пожалуйте въ квартиру баронессы, — говоритъ Илья Петровичъ, — будьте свидѣтелями: нѣтъ-ли тамъ какихъ слѣдовъ....

Отпечатали — вошли толпою. Илья Петровичъ, разумѣется, какъ главный распорядитель, давай тутъ ворочать все, что подъ руку ни попадало; ходилъ, ходилъ, шарилъ, шарилъ, подошолъ къ кровати, что-то взялъ, нагнулся, поднялъ одѣяло, посмотрѣлъ....

— А! — говоритъ, слава Богу, напалъ на слѣды!... Стой!...

— Что такое? — спрашиваю.

— Да-то: видишь-ли вотъ эти башмаки и чепчикъ?...

Илья Петровичъ взялъ въ руки то и другое.

— Вижу. — говорю.

— Ну, такъ и на мертвой бабѣ такіе же самые.

— По правдѣ сказать, я не разглядѣлъ, — говорю.

— Вѣрно! — говорю тебѣ; значитъ, баба-то — сама баронесса и есть....

— Да не ошибаетесь-ли, Илья Петровичъ? — говорю.... Точно-ли такіе самые?...

— Кой чортъ! — говоритъ — развѣ я слѣпой, что-ли? аль у тебя баньки вылѣзли? знать, ромашки хватилъ, въ полуштофъ заглядывалъ!... Такіе самые, говорю тебѣ, и на мертвой бабѣ!... А впрочемъ, и то правда, для вѣрности, пошли-ка въ часть за башмаками и чепчикомъ: оно, и въ самомъ дѣлѣ, сличить при свидѣтеляхъ лучше...

Послали городоваго—принесли башмаки и чепчикъ. Въ это время пришолъ священникъ. Разглядѣли. Такъ: они, какъ одна капля воды! Священникъ подтвердилъ, что чепчикъ, взятый съ мертвой бабы, онъ дѣйствительно видѣлъ на баронессѣ.

— Баста!—говоритъ Илья Петровичъ, вѣрно!.. и толковать нечего.... Ты, бутылочная голова, — (это мнѣ-то), пиши актъ!...

Я принялся; накаталъ, что, молъ, по разспросу сосѣдей о баронессѣ, оказалось то-то, а по прибытіи въ ея квартиру и по осмотрѣ принадлежа-

щаго ей имущества, найдено то и то, башмаки и чепчикъ совершенно одинакіе съ башмаками и чепчикомъ, взятыми со всплывшаго мертваго тѣла женщины, et caetera....

„Кончено!... наша взяла, думаемъ, начало есть!“

Дѣлать здѣсь намъ, послѣ этого, больше было нечего. Опечатали опять квартиру баронессы, отпустили свидѣтелей и побрели къ себѣ въ кварталъ....

— Ну, что?—говоритъ мнѣ дорогою Илья Петровичъ, — какъ ты думаешь?...

— Похоже есть, говорю, кажись, что такъ....

— А я такъ тебѣ—не кажись, а вѣрно—положительно скажу, что мертвая баба баронесса и есть; самъ видишь, доказательства всѣ на лицо. Теперь,—значитъ, остается открыть: кто убилъ ее?... Взяло меня, шельмовство, сомнѣнье!...

Пришли въ контору.... Тутъ Илья Петровичъ походилъ, походилъ эдакъ быстро по комнатѣ, всѣ носъ чесалъ, да что-то почмыхивалъ, потомъ остановился, да и говоритъ мнѣ:

— Какъ ты думаешь: кто убилъ бабу?...

— А, Богъ его знаетъ! отвѣчаю.

— А я такъ опять положительно тебѣ скажу, что это дѣло дворника: вилялъ, шельма, буркалами при обыскѣ.... ты это замѣтилъ?...

— Въ душу человѣка не влѣзешь, говорю.

— Гм! — не влѣзешь.... Въ бутылку залѣзть, такъ на это ты мастеръ; а я, братъ, старый воро-

бей — меня на мякинѣ не надуешь: насквозь вижу человѣка — да!... Да, — онъ сильное навлекаетъ на себя подозрѣніе, во-первыхъ потому, что давно ужъ замѣченъ мною въ неблагонадежности: сутяга, — каналья, воромъ такъ и выглядитъ, а во-вторыхъ, и то еще возьми во вниманіе, что ближе его никого къ баронессѣ не было.... Такъ ты вотъ что сдѣлай: пошли сейчасъ же за нимъ, да допроси предварительно хорошенько: что онъ тебѣ запоетъ?..

Послалъ я за дворникомъ — приходитъ онъ.

— Ты знаешь, спрашиваю, что баронесса пропала?...

— Какъ не знать, батюшка, знаю: объ ефтимъ я вашей милости надысь и сказывалъ.... мое дѣло такое.... дворникъ....

— И то знаешь, что баронессу нашли убитою.... тѣло ея всплыло въ сундукѣ вонъ, у Петра Семеновича въ кварталѣ?...

— Знать-то взапрямъ не знаю, а болтаютъ....

— Ну, такъ я тебѣ скажу, что это—правда.... Да это-бы еще не бѣда, а вотъ что, братецъ ты мой, скверно: всѣ сказываютъ, что ты ее уходилъ; больше некому, говорятъ.

— Что вы, батюшка?... Господь съ вами!... Лопни моя утроба, коли....

— Стой!... Погоди!... Къ баронессѣ, кромѣ тебя, еще кто-нибудь ходилъ?...

— Ходилъ.... попъ ходилъ....

— И больше никого?

— Кажись, никого.... не видалъ.

— Ну, такъ и выходитъ: или это твоя работа, или ты знаешь, кто убилъ; ты дворникъ, долженъ все знать, что по дому творится.

— Лопни моя утроба....

— Да чортъ-ли въ твоей утробѣ!... Ты сказывай лучше, кто убилъ бабу?...

— Ей-богу, батюшка, и знать не знаю и вѣдать не вѣдаю!...

— Э, стара штука, любезный.... врешь!... говори!... а не скажешь — хуже себѣ надѣлаешь: запирательство въ вину поставятъ, вѣдь всѣ на тебя сказываютъ....

— Воля ваша, что хотите дѣлайте, а ничего не знаю....

Словомъ, батенька мой, какъ я съ нимъ ни бился, какъ ни стращалъ, какъ ему ни доказывалъ, что коли сознается, то ничего не будетъ, все простятъ,—стоитъ мой парень на одномъ: знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю и—баста.... Что мнѣ оставалось дѣлать?... Доложилъ объ этомъ Ильѣ Петровичу. Илья Петровичъ замоталъ головою.

— Вретъ, шельма, говоритъ; чисто-на-чисто запирается!... Ну, ты ступай!...

Я ушолъ въ контору, сѣлъ за столъ—не знаю, что дальше будетъ. Вдругъ дверь изъ кабинета быстро растворилась и вышелъ мой Илья Петровичъ такимъ, знаете, дикобразнымъ, что и я даже его не узналъ — страшилище просто: глаза выпу-

чилъ, брови насупилъ, подозвалъ, эдакъ, пальцемъ къ себѣ парня, да и говоритъ:

— А, такъ это ты?...

— Я, батюшка, я, ваше в-бдіе.

— Ну, хорошо.... Такъ разсказывай — какъ ты ее уходилъ?...

— Кого уходилъ, ваше в-бдіе?!...

— Да баронессу.... Самъ, вѣдь, только-что сказалъ мнѣ — что ты....

— Господь съ вами, ваше в-бдіе!... Вы меня окликнули, такъ я и отозвался....

— Экъ куда стрѣльнулъ!... Хитеръ, братъ!... Одумался, да поздно.... Господа, слышали?...

Въ конторѣ въ это время кой-кто былъ....

— Слышали, говорятъ....

— Ну, такъ ты — это мнѣ-то — говоритъ Илья Петровичъ, пиши сейчасъ же актъ о сознаніи, сними съ него показаніе, не подпишется — расчеркнись, что, по упорству, подписаться не согласился, а его, шельму, въ часть, для содержанія въ секретномъ нумерѣ, да живо! Когда готово будетъ, скажи мнѣ: надо ѣхать, доложить объ этомъ начальству...

„Скажи, враже, якъ панъ каже". Такъ и мое дѣло: приказано—сдѣлай; не сдѣлаешь—выгонятъ, куда пойдешь?... Написалъ я все, по приказанію. Оказалось, что дворникъ и грамотѣ не знаетъ. Ну, думаю, по безграмотству твоему — да будетъ тебѣ: кто-нибудь за тебя распишется.... Дворника спро-

вадили въ часть, а бумаги сдалъ Ильѣ Петровичу....

Илья Петровичъ отправился съ докладомъ....

Что тамъ было, какъ онъ докладывалъ, этого я не знаю, темна вода во облацѣхъ; только послѣ доклада Ильи Петровича велѣно было бабу похоронить, имущество баронессы взять подъ присмотръ полиціи, а по дѣлу произвести строжайшее слѣдствіе.... Производила его коммисія, нарочно для сего наряженная. Въ числѣ слѣдователей находился и Илья Петровичъ. Парень и при слѣдствіи туже пѣсню запѣлъ: знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю, неповиненъ ни въ чемъ; однако-таки сбили его съ толку, запутали какими-то, Богъ ихъ знаетъ, разнорѣчивыми показаніями и... представили дѣло въ судъ на рѣшеніе. А судъ, принявъ во вниманіе разнорѣчіе показаній парня при слѣдствіи и собственное сознаніе въ кварталѣ, призналъ его виновнымъ, при упорномъ запирательствѣ, въ убійствѣ баронессы Ропенъ, а потому положилъ.... ну, да что вамъ и разсказывать, что за убійство полагается!...

Не выдержалъ парень — въ тюрьмѣ и умеръ. Нашлись земляки, похоронили его кое-какъ на кладбищѣ и на могилѣ поставили большой деревянный крестъ....

А Илья Петровичъ, хвалился что произвелъ

успѣшный розыскъ и довелъ убійцу до чистосердечнаго сознанія. Такъ-то батенька.

Но погодите маленько, дайте рюмочку протянуть.... славная у васъ дешевка!... Вотъ, теперь, пожалуй, дальше.... Прошло, послѣ этого, съ полгода, а можетъ быть, и съ годъ — я все-таки у Ильи Петровича служилъ. Сижу это я, знаете, у себя, въ конторѣ, бумаги отписываю, пора была вечерняя: свѣчки ужъ подали; дѣло было весною; уткнулъ рыло свое въ бумаги, да и кувыряю. Ильи Петровича не было дома, на пожаръ ѣздилъ; вѣстовой спалъ въ передней; въ конторѣ, кромѣ меня, никого не было,—вдругъ слышу за дверями голосъ вѣстоваго: „пожалуйте!... здѣся!...“ Отворилась дверь — гляжу входитъ старушонка.

— Что вамъ угодно? — спрашиваю.

— Да, вотъ что, батюшка, говоритъ, я была въ отлучкѣ, на богомолье ѣздила, сегодня, только что пріѣхала, прихожу въ свою квартиру, а она запечатана полицейскою печатью,—такъ позвольте узнать, — по чьему распоряженію это сдѣлано?... Правда, меня таки долгонько не было....

— Да кто вы, позвольте спросить? — говорю.

— Я?... Баронесса Роненъ, говоритъ; въ домѣ такомъ-то проживаю, тамъ и имущество мое....

Какъ сказала она это — у меня такъ волосъ дыбомъ и сталъ....

— Господи Іисусе!... Съ нами крестная сила!.. Да воскреснетъ Богъ!...

И нечего грѣха таить, батенька, дѣло прошедшее, не говоря ни слова, я такъ и шарахнулся изъ конторы — бѣгу безъ оглядки, да крещусь; наткнулся въ передней на вѣстоваго — съ ногъ долой и — кувыремъ по лѣстницѣ, даже руку себѣ перешибъ; на дворѣ ужъ опомнился; всталъ — стряхнулся. „Чтобы это такое было? Господи!“ — думаю, — а у самого поджилки такъ и трясутся: страхъ до смерти обуялъ. На ту пору, спасибо ему, брелъ въ контору какой-то дворникъ, съ паспортами, что-ли, ужъ хорошенько и не помню, такъ я маленько пріободрился, да и то еще пришло въ голову: дѣйствительно-ли это та самая, которая всплыла, а можетъ быть — другая? Остановилъ дворника, перекинулся съ нимъ словомъ-другимъ, пока робость не прошла: совѣстно, знаете, было показаться зайцемъ, и, вмѣстѣ съ дворникомъ — въ контору: вдвоемъ оно не такъ страшно; дворника пустилъ впередъ, а самъ — сзади.... Вхожу — смотрю: баронесса моя разсѣлась преспокойно на моемъ креслѣ. „А, чортъ тебя посадилъ тамъ!“ думаю. Однако, кое-какъ помаленьку, подковылялъ къ ней. Она со стула моего встала.

— Извините, говоритъ, я васъ побезпокоила... вамъ, кажется, сдѣлалось дурно?...

— Нѣтъ-съ.... такъ.... ничего, говорю, сильно табачку нюхнулъ.... въ глазахъ зарябило....

А самого мурашки по кожѣ такъ и подираютъ.

— Надзиратель дома?—спрашиваетъ.

„Слава тебѣ Господи! — думаю, сопру ее, проклятую, въ кабинетъ, пусть тамъ съ нею валандается самъ, какъ знаетъ“.

— Нѣтъ, говорю; но сейчасъ можно послать за нимъ.... онъ здѣсь недалеко, а вы, сдѣлайте милость, пожалуйте вотъ туда въ кабинетъ, подождите маленько....

— Ну, такъ будьте такъ добры, говоритъ, распорядитесь....

И сама ушла въ кабинетъ. Я плотно затворилъ за нею дверь.... Отлегло!... Ту-жъ минуту вѣстоваго на ноги: отыскать, гдѣ-бы то ни было, надзирателя и сказать ему, чтобы немедленно прибылъ въ контору: очень экстренное, молъ, и нетерпящее отлагательства дѣло есть. Кое-кто еще въ это время пришелъ въ контору — страхъ у меня совсѣмъ прошолъ. Чрезъ полчаса, неболѣе, приходитъ и Илья Петровичъ.

— Что тутъ такое? — спрашиваетъ.

— Да что? — говорю, — подите къ себѣ въ кабинетъ, да и поглядите....

— Что-жъ тамъ такое?...

— Да что такое! — Баронесса Ропенъ!

— Что-ты?! что-ты?!

— Ей-Богу, она; сама сказывалась.

— Полно тебѣ чепуху-то мо́лоть!... Воскресла

изъ мертвыхъ, что-ли?... Эхъ, ты, дурья голова!... Должно быть, родня какая, аль одно-фамилица....

И Илья Петровичъ ушелъ въ кабинетъ.

„Ну, ну—думаю—поди, поди, потолкуй съ нею, я ужъ натолковался".

Только не прошло и десяти минутъ, Илья Петровичъ выглянулъ изъ кабинета весь встревоженный, точно домоваго увидѣлъ, и потребовалъ книгу описныхъ имуществъ. Я подалъ, самъ вошолъ въ кабинетъ. Стою. Илья Петровичъ раскрылъ книгу, листа три перекинулъ, подалъ ее старухѣ, да и говоритъ:

— Потрудитесь расписаться, вотъ здѣсь, что значущееся въ описи сей подъ нумеромъ такимъ-то имущество получила сполна и въ цѣлости такая-то.

Старуха расчеркнулась. Я взглянулъ на графу, гдѣ она расписывалась и—опять мурашки задрали меня по кожѣ; старуха, прописавши все по диктовкѣ Ильи Петровича, послѣ слова: „получила"—старинным, знаете, да эдакимъ бойкимъ почеркомъ и подмахнула: „Баронесса Ропенъ".... Вотъ-те и на!... вотъ тебѣ и всплывшее мертвое тѣло!.. Словомъ, батенька мой, дѣло у насъ тутъ совсѣмъ объяснилось: старуха эта дѣйствительно сама баронесса Ропенъ и была, та самая, которая безъвѣсти пропала; никогда она не умирала и не тонула; а извѣстно, вздумалось ей побродяжничать по богомольямъ, такъ она, не говоря никому ни

слова, и маршъ въ командировку, сами знаете — для дурака законъ не писанъ, но ужъ коли и дуракъ броситъ въ воду камень, такъ десять умныхъ не вытащатъ,—такъ вышло и тутъ; всплывшее же мертвое тѣло—была со всѣмъ другая шельмовская баба, а найденные на ней башмаки и чепчикъ — даны ей, въ числѣ прочихъ нищихъ, баронессою: объ этомъ Илья Петровичъ обиняками добился отъ самой баронессы; она, какъ по разговору оказалось много своихъ башмаковъ и чепчиковъ раздарила.... Когда все это кончилось, Илья Петровичъ и говоритъ баронессѣ:

— Теперь, сударыня, пожалуйте со мною — я отпечатаю вашу квартиру.

Та собралась — и они вмѣстѣ ушли....

— Ну, братъ, наварили мы съ тобою каши, нечего сказать, заговорилъ, по приходѣ обратно въ кварталъ, Илья Петровичъ.

— А я-то чѣмъ виноватъ?—говорю.

— Виноватъ-то ты—не виноватъ, да и я, коли ужъ на то пошло, не виноватъ — одинъ судъ отвѣтитъ долженъ, зачѣмъ онъ такое рѣшеніе дворнику положилъ.... но, все-таки, самъ знаешь, начало-то дѣлу, вѣдь, я далъ и до чистосердечнаго сознанія довелъ: того и гляди — дойдетъ до начальства — не порадуешься.... Что-бы теперь подѣлать, какъ ты думаешь?... а?..,

Да, что?—говорю — по-моему, молчать и больше ничего: мертвый, вѣдь, жаловаться не станетъ, да и рѣшеніе-то объявлено ему безъ права апелляціи.... Родни у покойнаго, на сколько я знаю—тоже нѣтъ, а хоть-бы и нашолся кто — кому охота валандаться: мертваго изъ гроба не воротишь....

— И то правда, и то правда, я тоже такъ думалъ; но вотъ еще что нужно добавить: баронесса, вѣдь, остановилась опять въ томъ же домѣ; сосѣди исторію-то всю эту знаютъ, а молва — далеко ходитъ, — такъ, для того, чтобы совсѣмъ пустить концы въ воду, ты сейчасъ же отправляйся къ баронессѣ, покуда ее еще никто въ домѣ не видѣлъ—я письмо напишу—и попроси ее провести эту ночь въ квартирѣ моего семейства, скажи: завтра, молъ, рано утромъ, по распоряженію начальства, домъ, въ которомъ она живетъ, за ветхостію, будутъ ломать — такъ, чтобъ, дескать, ее не побезпокоили; ну а на счетъ квартиры и имущества — скажи — пусть не хлопочетъ, завтра мы квартиру ей найдемъ и полицейская команда ее туда перенесетъ: оно знаешь и ее никто не увидитъ, пропавшею будутъ считать, да и соблазну не будетъ—полицейская команда описное имущество перенесетъ... А квартиру пріищемъ ей гдѣ-нибудь отъ себя подальше. Ну, маршъ!... Какъ сказано, такъ и сдѣлано.... Баронесса провела ночь въ квартирѣ Ильи Петровича, а на другой день полицейская команда перетащила ее на новую квартиру, въ

дальній отъ насъ кварталъ. . . . . .

. . . . . .

Такъ дѣло и заглохло. Съ тѣхъ поръ прошло много времени и — никто ничего объ этомъ не знаетъ. Я получилъ отъ Ильи Петровича, за молчокъ, пятьдесятъ толкачей—молчалъ, покуда могъ... Самъ же онъ и по настоящее время благоденствуетъ, успокоился совершенно....

II.

ТЕМНОЕ ДѢЛО.

Были у насъ и другія штуки — дорывались мы до всего, когда служилъ я письмоводителемъ при исправникѣ Антоновскаго уѣзда, Египетской губерніи, Петрѣ Ивановичѣ Рылкинѣ.

Въ то время жилъ-былъ въ нашемъ уѣздѣ, въ аулѣ „Работай“ одинъ татаринъ, по прозвищу Назыровъ — богатый человѣкъ, старикъ, головою въ аулѣ когда-то былъ. Изъ родни у него только и было, что марушка, то-есть дочка-дѣвушка, такъ лѣтъ шестнадцати, черномазенькая, знаете, такая, изъ себя, огонь-огнемъ, красавица — однимъ словомъ — на весь аулъ была; жена и другія дѣти давно у него перемерли.... Вотъ къ этой-то дочкѣ, марушкѣ, чортъ ужъ знаетъ какими судьбами, подбился лавочникъ армянинъ, торговавшій, тутъ-же въ аулѣ, разнымъ скарбомъ. Дѣвка, извѣстно, глупа.... Чрезъ девять тамъ, что-ли, мѣсяцевъ и бухъ съ гостинцемъ: „на, молъ, батька—радуйся!...“ Словомъ, батенька мой, родила ребенка, да главное — родила мертваго.... Что тутъ дѣлать?... Какъ быть?...

Огласить—бѣда; скрыть грѣхъ—невозможно: шила въ мѣшкѣ не утаишь вѣдь.... А!—лучше, думаетъ себѣ, схоронить его, чтобы никто не зналъ и не видалъ и — концы въ воду.... Сказалась батькѣ. Этотъ — покричалъ тамъ на нее, а можетъ, и колотушку задалъ, да тѣмъ дѣло и покончилъ: извѣстно—свое кровное: жалко стало.... Покалякали они промежъ собой, да и порѣшили схоронить татарченка тайно.... Сказано—сдѣлано. Схоронили, дѣвка съ батькой, ребенка ночью на кладбищѣ и—успокоились...

Только, батенька мой, сидимъ мы это, знаете, на другой день у себя дома, въ избѣ—тутъ же въ аулѣ: на розыскъ конокрадовъ пріѣзжали, — я донесеніе какое-то въ губернію писалъ, а Петръ Ивановичъ такъ блукалъ себѣ изъ угла въ уголъ, трубку курилъ, да почвыркивалъ, — какъ входитъ къ намъ соцкій.

— Ну, что скажешь? говоритъ Петръ Ивановичъ.

— Да, вотъ, ваше в-бдіе, говоритъ, у татарина Назырова грѣхъ случился: дочка свихнулась, ваше в-бдіе.... ребенка принесла.... схоронили!

— Какъ принесла.... схоронили?...

— Да-такъ, говоритъ, ваше в-бдіе.... принесла—значитъ, сблудила.... съ армяниномъ, сказываютъ, что въ лавочкѣ торгуетъ.... да и родила, а чтобы сраму—выходитъ—не было, ночью и похоронили....

— Какъ похоронили?... живаго?...

— Ужъ этого взапрямикъ не могу знать, ваше в-бдіе.... сказываютъ, что мертваго....

— Гм!... Ну, да это, пожалуй, все равно....

Петръ Ивановичъ отвелъ соцкаго въ сторону, шепнулъ ему, что нужно было, на ухо, еще разъ перешепнулся....

— Понимаешь?—говоритъ....

— Понимаю,—говоритъ соцкій....

— Ну, теперь маршъ!... Да, смотри у меня, говоритъ Петръ Ивановичъ,—не прорвись, держи ухо востро....

Соцкій ушелъ. . . . . .

. . . . . .

Наступилъ вечеръ. Пробило одиннадцать.

— Ну, Семенъ Кузьмичъ—это мнѣ-то говоритъ Петръ Ивановичъ, — бери чернилицу, перо, да бумагу и пойдемъ!...

Снарядились, взяли соцкаго и—къ Назырову.... Приходимъ. Татаринъ уже спалъ. Разбудили....

— Здравствуй, кунакъ! *), говоритъ Петръ Ивановичъ.

— Здравствуй, бачка, здравствуй ваше благородія! говоритъ татаринъ.

— А что у тебя все благополучно? — спрашиваетъ Петръ Ивановичъ.

— Все, бачка, все, ваше благородія.

---

*) Кунакъ—землякъ.

— Нѣтъ, врешь—не все, говоритъ Петръ Ивановичъ.... А вотъ что.... Эй, соцкій!... Бери-ка свѣчку....

— Ну, теперь пойдемъ, говоритъ Петръ Ивановичъ татарину, посмотримъ, я тебѣ покажу, что у тебя не все благополучно....

Вышли....

— Соцкій, поворачивай въ баню! — говоритъ Петръ Ивановичъ.

У Назыра на дворѣ была своя баня, особнякомъ выстроенная.

Соцкій повернулъ къ банѣ; мы—за нимъ; татаринъ идетъ съ нами—недоумѣваетъ: что за оказія?—думаетъ.

Наконецъ пришли въ баню. Соцкій со свѣчкою посединѣ всталъ; мы — у дверей....

— А это что?... заговорилъ тогда Петръ Ивановичъ, обращаясь къ татарину и указывая на одну изъ полокъ, гдѣ лежалъ завернутый въ саванѣ ребенокъ....

Татаринъ затрясся — дыбомъ волосъ сталъ....

— Это что — спрашиваю я тебя опять? — говоритъ Петръ Ивановичъ, подступая къ татарину....

Назыровъ—ни слова.... весь блѣдный, точно въ лихорадкѣ—страхъ бѣднягу обуялъ....

— Я тебя спрашиваю, мухаммеданская образина, слышишь?... Тебя спрашиваю!...

У Назыра языкъ отнялся—молчитъ....

— А-а-а, такъ вотъ какъ?!... Ты вздумалъ насъ дурачить?... думалъ — это тебѣ такъ пройдетъ?... живыхъ ребятъ, каналья, въ землю зарывать?... а?.. Стой-же, антихристъ, идолопоклонникъ, ты эдакой!.. Эй, соцкій, кандалы сюда!... Въ кандалы его, разбойника.... да и дочку потомъ!...

Соцкій забренчалъ кандалами; татаринъ нашъ совсѣмъ обмеръ....

— Бачка, ваша благородія! — заговорилъ онъ, валясь въ ноги Петру Ивановичу, не губи душа.... бери деньга.... пусти сама.... вай аллахъ, вай аллахъ, вай аллахъ!...

— Что вайкаешь?... Встань, идолъ!... Что валяешься?... Говори лучше толкомъ!... Тысячу талеровъ дашь — такъ чортъ съ тобой.... зароемъ....

— Татаринъ — поднялся.

— Бери бачка.... бери.... тысяча бери, говоритъ, больша бери.... не роби яманъ.... *) пусти душа!...

— Ну.... ну.... ничего, говоритъ Петръ Ивановичъ.... не трясись.... какъ-нибудь поможемъ.... Неси деньги!...

Татаринъ вышелъ и принесъ мѣшокъ съ талерами.

— На, говоритъ, бачка, возьми.... здѣся тысяча два-сотъ.... своимъ писарь дай.... соцка дай.... молчать нада....

---

*) Яманъ—значитъ: пропалъ, погибъ.

— Ну, ладно. ладно, говоритъ Петръ Ивановичъ... Соцкій!—возьми ребенка.... зарой. чтобъ и слѣдовъ не было.... А ты. кунакъ — прощай!... Да. смотри у меня, впредь чтобъ этого не было... слышишь?..

— Якши *), бачка, якши....

— Ну. то-то.... якши....

Соцкій въ это время взялъ на руки ребенка и понесъ. Свѣчка—горѣла. Татаринъ остановилъ соцкаго, посмотрѣлъ пристально на ребенка, да и говоритъ Петру Ивановичу:

— Ваше благородія. а ваше благородія!

— Ну, что тебѣ еще? — говоритъ Петръ Ивановичъ.

— Эта баранчукъ—**) не моя. говоритъ.

— Какъ не твоя?...

— Да не моя!... Моя — вотъ такой маленька былъ, а эта — большой....

— Эхъ, ты. дуракъ, говоритъ ему Петръ Ивановичъ, абубекерская бритая ты голова! Развѣ не знаешь. что въ землѣ человѣкъ не по днямъ, а по часамъ ростетъ: твой баранчукъ, говоритъ, въ землѣ сутки лежалъ. ну и выходитъ — выросъ.... понимаешь, тыква?... Прощай!...

Съ тѣмъ мы и ушли: соцкій — на кладбище съ ребенкомъ, а мы—къ себѣ домой. съ мѣшкомъ. .

. . . . . .

---

*) Якши—хорошо.

**) Баранчукъ—ребенокъ.

— Ахъ, подлецъ этотъ соцкій, говоритъ мнѣ дорогою Петръ Ивановичъ, онъ на самомъ дѣлѣ не того ребенка вырылъ.... Ну, да все равно?... А татарва-то, татарва—какъ ты скажешь?.. Славнаго холоду я ему нагналъ.... Вѣдь перетрусилъ, кажись, не на шутку.... чуть не тово.... вотъ суевѣры, анафемы, такъ суевѣры!... Онъ, полагаю, навѣрнякъ думалъ, что баранчукъ его самъ изъ-подъ земли въ баню залѣзъ.... ха, ха, ха!... А все-таки соцкій оселъ.... Ну, да все равно!... Придемъ домой — двадцать пять талеровъ — твои....

И дѣйствительно, я ихъ получилъ....

Не знаю, какъ ужъ соцкій? Но, кажется, что грибъ съѣлъ, за оплошность, что не того ребенка отрылъ.... Да, впрочемъ, ему, въ подобныхъ случаяхъ, и по штату не полагалось....

III.

КРАЖА.

А то въ бытность мою письмоводителемъ, эдакъ годика... годика.... гм!.. ну-да это для васъ все равно.... Такъ въ бытность мою, говорю, письмоводителемъ, въ нашемъ губернскомъ городѣ, у квартальнаго надзирателя Петра Кузьмича Стрыжкина,— проживала, знаете, тогда у насъ, въ кварталѣ, одна іерусалимская дворянка, то-есть парха — жидовка, ростовщица, шельма — воровка, что называется, на всѣ руки, нѣкто Сарка Беркова Фурманъ. Мастеръ каналья, была своего дѣла: заложить, бывало, перезаложить, продать, перепродать, стянуть у кого что-нибудь, свести, ну тамъ и проч., — это ужъ лучше ее калачами не корми; любой мазъ пасовалъ передъ нею. Жила она у насъ, какъ водится, безъ прописки вида и безъ дозволенія правительства: въ нашемъ городѣ пребываніе жидамъ ограничено извѣстнымъ срокомъ; но мы—грѣху этому терпѣли; конечно и Сарка Фурманъ за это намъ всегда оставалась благодарною, то-есть взносила каждый мѣсяцъ исправно оброку надзирателю 20 рублей,

да и мнѣ иногда перепадало, ну и жила себѣ — горюшка мало. Извѣстно — сами посудите — полезный человѣкъ для насъ была. а кто себѣ врагъ?...

Ну-съ, такъ вотъ къ этой-то самой Саркѣ Фурманъ забрался какъ-то на квартиру, то-есть нанялъ у ней комнату одинъ недавно пріѣхавшій въ ту пору подрядчикъ, изъ іерусалимскихъ же дворянъ, купецъ Шлемка Боровскій — человѣкъ только — по имени жидъ, а во всемъ прочемъ — ничего незамѣтно. ну и расположился тамъ у нее. Ладно. Долго-ли онъ прожилъ, или нѣтъ — дѣло прошедшее, забылъ уже—только въ одинъ вечеръ является къ намъ въ контору — это было въ великомъ посту — и заявляетъ, что у него изъ коммода, во время его отсутствія въ 10 часовъ утра на торги, украдено 6,500 рублей и что въ кражѣ этой онъ подозрѣваетъ свою квартирную хозяйку Сарку Фурманъ: „больше—некому“, говоритъ. Выслушали мы жида....

— Хорошо, говоритъ ему Петръ Кузьмичъ, только вотъ что я, братецъ ты мой, тебѣ скажу, ты не суда попалъ; иди прежде въ часть, да подай формальное объявленіе приставу и когда оно съ резолюціею ко мнѣ поступитъ, тогда, изволь, сдѣлаю все, что нужно будетъ.

— Да помилуйте, ваше в-бдіе, возразилъ, было, Шлемка:—покуда я буду ходить, писать, да подавать — Сарка Фурманъ успѣетъ все скрыть и слѣдовъ не будетъ....

— Ну, какъ хочешь, а безъ этого я ничего не могу сдѣлать.

— А—да, какъ же быть-то, ваше в-бдіе? Вѣдь скроетъ и слѣды,...

— Ты не раздабаривай тутъ попусту,—перебилъ его Петръ Кузьмичъ,—а дѣлай то, что тебѣ сказано. Говорятъ—нужно формальное объявленіе! Такіе ужъ у насъ порядки....

— Порядки-то порядки, отозвался Шлемка, а во второмъ томѣ свода законовъ сказано, что полиція и по одному словесному заявленію о сдѣланномъ преступленіи обязана преслѣдовать его по горячимъ слѣдамъ.

— Что-о-о?!.. Обязана-а?! По горячимъ слѣдамъ?!.. Не для тебя-ли—прикажешь—бѣжать, какъ угорѣлой кошкѣ?—заоралъ на Шлемку Петръ Кузьмичъ;—и ты еще поганая парха вздумалъ учить меня?... своды законовъ показывать?... а?... Вонъ!..

Сказавъ это, Петръ Кузьмичъ повернулся и въ кабинетъ. Я остался одинъ съ Шлемкою въ конторѣ. Шлемка взвелъ плечами....

— Вы господинъ письмоводитель?—обратился онъ ко мнѣ.

— Я—говорю; что вамъ?

— Да, коли такъ ужъ нужно, говоритъ, то сдѣлайте милость, напишите мнѣ объявленіе, про которое сказывалъ г. надзиратель: я человѣкъ пріѣзжій—порядковъ вашихъ не знаю,—за это я васъ поблагодарю.

Отчего же не услужить человѣку?...

— Извольте — говорю.

Досталъ я изъ ящика листъ гербовой бумаги въ двадцать коп. сер., оставшійся у меня послѣ описи имущества у одного мѣщанина за долги, и накаталъ отъ имени Шлемки къ приставу объявленіе, что, молъ, такъ и такъ, всю философію, какая въ головѣ была. на бумагу выложилъ, ядовито, знаете, написалъ, все это пунктуально, доказательно, какъ лучше быть нельзя. Прочиталъ Боровскому; этотъ остался очень доволенъ, вынулъ мнѣ зелененькую и—взялся за шапку....

— Погодите, говорю ему, вотъ что я вамъ посовѣтую: теперь, видите-ли, вечеръ; два часа слишкомъ вы тутъ возились; пристава — врядъ-ли застанете дома: къ своей.... уѣхалъ — это я навѣрнякъ знаю,—такъ, чтобъ задержки не было, вы это объявленіе подайте дежурному офицеру, поклонитесь ему хорошенько.... знаете какъ?... и попросите передать письмоводителю; входящему журналисту— тамъ такой звѣрь есть — дайте рубль. чтобъ скорѣе записалъ во входящій журналъ, а потомъ и съ письмоводителемъ поцѣлуйтесь пятирублевкою, чтобъ тотъ резолюцію положилъ, да далъ подписать дежурному офицеру, тогда—бумагу въ руки и—къ намъ милости просимъ. Это я вамъ для того говорю, что коли вы всего этого не сдѣлаете, то объявленію вашему придется недѣльки съ двѣ въ части полежать, а тогда ужъ для васъ поздно будетъ....

— Слушаю. покорно благодарю!— проговорилъ Шлемка, раскланялся со мною и ушелъ.

Прибылъ въ часть. Тамъ никого изъ начальствующихъ лицъ не нашелъ: приставъ, по заведенному порядку, къ своей уѣхалъ, а дежурный офицеръ забрался по близости въ трактиръ, да тамъ и засѣлъ; въ конторѣ только и было, что письмоводитель, да два писаря. Поклонился имъ Шлемка, по моему совѣту: пять рублей письмоводителю и рубль входящему журналисту.— они сдѣлали, что отъ нихъ зависѣло: подмазалъ — значитъ — колесо Шлемка.

— Только вотъ что, обратился письмоводитель къ Шлемкѣ, кончивъ писать резолюцію. — подписать некому: приставъ по части уѣхалъ, а дежурный—по дѣламъ службы уполъ. Такъ вы ужъ подождите до утра: завтра, чуть свѣтъ, мы передадимъ вашу бумагу въ кварталъ и, будьте увѣрены, Сарку Фурманъ накроютъ....

Какъ-бы не такъ!... А время-то, время?...

„Вотъ тебѣ и горячіе слѣды!... Напрасно же, я, дуракъ, вамъ и деньги далъ!“ —подумалъ Шлемка, вздохнулъ, точно мѣхъ на кузницѣ, и направился къ выходу....

— Такъ ужъ, сдѣлайте милость, хоть завтра по раньше! — сказалъ онъ въ дверяхъ....

— Будетъ, будетъ, не безпокойтесь! — откликнулся письмоводитель.

Между-тѣмъ, покуда Шлемка расхаживалъ изъ квартала въ часть, писалъ тамъ объявленія, да подавалъ благодарности, чортъ знаетъ кому и за что, Сарка Фурманъ успѣла перевести въ надежные руки, украденныя у него деньги и сидѣла уже дома, когда пришелъ въ квартиру свою Шлемка. Онъ не говорилъ ей ни прежде, ни теперь о замѣченной кражѣ и о томъ, что ходилъ уже съ объявкой въ полицію: хотѣлъ, видите-ли, врасплохъ накрыть; тыкался себѣ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, да ворчалъ сквозь зубы: „вотъ занесъ чортъ меня на эту проклятую квартиру!... Ну, да—нехай!... Завтра полиція нагрянетъ, скрутятъ ее, можетъ—и гроши найдутъ“....

Точно, на другой день, часовъ въ 10 утра, принесли къ намъ объявленіе Шлемки, съ резолюціею пристава: „сдѣлать, дескать, обыскъ въ имуществѣ Сарки Фурманъ и о послѣдующемъ донести“. Да мы и безъ этого знали, что намъ нужно было дѣлать. А почему не дѣлали? Да вотъ почему: Петръ Кузьмичъ, какъ я уже вамъ сказывалъ, бралъ каждомѣсячно съ Сарки Фурманъ по 20 рублей сер. за проживаніе безъ дозволенія правительства,—стало-быть, выдать Сарку — значило лишиться чистаго

доходу, да и другое было въ умѣ—хорошая взятка; къ тому-же Петръ Кузьмичъ былъ у насъ холостякъ и страсть—охотникъ до женскаго полу, а тутъ на бѣду, у Сарки Фурманъ была дочка — жидовочка, такъ лѣтъ 17-ти, славненькая такая; вотъ Петръ Кузьмичъ—возьми да и сведи съ нею связь; больно понравилась, видите, ну и вышло сердечное расположеніе. Такъ значитъ—какъ-же тутъ не защитить отъ напасти, сами посудите?...

Однако не въ томъ дѣло. Получили мы объявленіе Шлемки съ резолюціею пристава, — нужно, стало-быть, что-нибудь дѣлать.

— Собирайся! — прорычалъ мнѣ изъ полураствореннои двери кабинета Петръ Кузьмичъ, пойдемъ на обыскъ къ Фурманъ.

Я началъ собираться и, какъ-то невзначай, взглянулъ въ переднюю, куда дверь изъ конторы была отворена, въ это время изъ покоевъ Петра Кузьмича выпорхнула жидовочка и скрылась за наружную дверь.

„Ну, теперь будетъ дѣло, непремѣнно найдемъ деньги“.—подумалъ я.

Вскорости, вышедшій изъ терпѣнія Шлемка, явился въ контору. Собрался и Петръ Кузьмичъ. Взяли мы Шлемку и свидѣтелей и покатили въ квартиру Фурманъ. Приходимъ. Въ передней—попало Петру Кузьмичу 100 рублей въ руки. Пошли дальше. Прочитали объявленіе Шлемки Саркѣ Фурманъ. Что-жъ вы думаете? Еще и не дочитали по-

рядкомъ--Сарка наша такъ и кинулась на Шлемку: „ахъ, ты скотина, говоритъ, ахъ ты, подлецъ!... да какъ ты смѣлъ безчестить, порочить меня?... какъ ты смѣлъ?... Погоди-жъ! — говоритъ, ты у меня пустяками не отъѣдешь за безчестіе!.. меня и дочку мою осрамилъ а?... что мы воры — мошенники, что-ли!...“ Ужъ она тутъ такъ расходилась, что упаси Господи!... Чего только не наговорила?... Видно было — шельма — раньше къ тому приготовилась. Однако Петръ Кузьмичъ остановилъ ее и занялся обыскомъ въ имуществѣ, поковырялъ, поковырялъ кое-что, заглянулъ туда—сюда и велѣлъ писать мнѣ актъ, что по сдѣланному, молъ, въ имуществѣ Сарки Фурманъ обыску, ни украденныхъ денегъ, ни другаго чего подозрительнаго не оказалось. Тутъ Шлемка, было, заспорилъ, началъ указывать на нѣкоторые слѣды воровства....

— Молчать! Не твое дѣло! — прикрикнулъ на него Петръ Кузьмичъ; — знаемъ, что дѣлаемъ.

— Какъ-же не мое дѣло?—проговорилъ Шлемка, я буду жаловаться....

— Къ чорту! Жалуйся кому хочешь, отвѣтилъ Петръ Кузьмичъ, ты думаешь не съумѣемъ объясниться?...

Такъ — значитъ — резоновъ Шлемки мы и не приняли, велѣли на актѣ подписаться свидѣтелямъ и—дѣло съ концомъ. Ушли.

Приходимъ въ контору, подшили актъ къ объявленію. написали донесеніе, что, молъ. по розыску полиціи. жалоба Шлемки на Сарку Фурманъ не подтвердилась. и — отправили въ часть. Только чрезъ часъ. небольше. послѣ этого — трахъ — входитъ городовой.

— Что скажешь? — спросилъ его Петръ Кузьмичъ.

— Пожалуйте. ваше в-бдіе, говоритъ, чиновникъ васъ требуютъ....

— Что — о?...

— Чиновникъ губернатора. в-бдіе.

— Куда требуетъ?

— Въ квартиру Сарки Фурманъ.

— Въ квартиру Фурманъ?!..

— Точно-такъ, ваше в-бдіе.

— Онъ одинъ?...

— Никакъ-съ нѣтъ, ваше в-бдіе, съ какимъ-то евреемъ пришли.

— Такъ и есть. Вѣрно проклятая парха ходилъ ябедничать, проговорилъ Петръ Кузьмичъ. живо одѣлся и—маршъ. Я вскорости за нимъ. собаченкой, потрепалъ туда-же: любопытно, знаете. было узнать, что тамъ за оказія такая происходитъ? Вошелъ въ переднюю. Стою. Издали, эдакъ, посматриваю. Послѣ втерся и дальше. Не знаю. что сначала между ними было, только подъ конецъ-то дѣло вышло совсѣмъ иначе: дѣйствительно нашли слѣды воровства, на которые указывалъ намъ

Шлемка прежде: видите-ли — въ комнату Шлемки было двое дверей, однѣ изъ передней, а другія изъ спальни Сарки Фурманъ; эти послѣднія, въ спальнѣ Фурманъ, были заставлены большимъ платянымъ шкафомъ, такъ — что ихъ совсѣмъ невидно было, и заперты внутреннимъ замкомъ, а ключъ отъ первыхъ, то-есть изъ передней, находился всегда у Шлемки; такъ — вотъ какъ поприглядѣлся-то чиновникъ губернатора къ шкафу, такъ и замѣтилъ на полу свѣжія царапины: по всему видно было, что шкафъ недавно отодвигали, а подъ самимъ шкафомъ, когда его больше отодвинули, нашли письмо на имя Шлемки, по загнутымъ концамъ котораго можно было положительно сказать, что въ немъ было что-то завернуто. Подняли письмо — листъ большаго формата. Шлемка тутъ-же съ яростію бросился доказывать, что въ этомъ письмѣ лежала часть украденныхъ у него денегъ....

— Откуда у тебя это письмо взялось? — обратился чиновникъ съ вопросомъ къ Фурманъ.

— Вѣроятно, говоритъ, Шлемкою въ своей комнатѣ уронено, да сквозь щель, что между дверью и поломъ, какъ-нибудь, сюда и проскользнуло. Я ничего не знаю.

Взглянули въ щель — щель дѣйствительно была.

„Славно, щельма, отыгрывается“, — подумалъ я.

Но это было еще не все. Потребовалъ чиновникъ отъ Фурманъ ключъ отъ дверей. Сарка сперва, было, завиляла хвостомъ, но потомъ отдала. Ото-

двинули совсѣмъ шкафъ. Открыли дверь. Вошли. Въ комнатѣ Шлемки: небольшой коммодъ, гдѣ лежали украденныя деньги, кроватъ, столъ и нѣсколько стульевъ.

— Чей коммодъ? — спросилъ вновь чиновникъ, обращаясь къ Фурманъ.

— Мой, — отвѣтила та.

— А ключи отъ него?...

— У него, — сказала Фурманъ, указывая на Шлемку.

— А твои ключи гдѣ?

— Здѣсь, у меня.

— Нутка ихъ сюда!...

Фурманъ вынула изъ кармана ключи и подала. Чиновникъ по-очередно началъ примѣривать каждый ключъ къ замку коммода, подъ которымъ хранились деньги. Примѣрилъ одинъ, другой, анъ третій—щелкъ, щелкъ и — коммодъ отперся.

— Э, матушка моя, заговорилъ тогда чиновникъ губернатора, по всему видно — это твоя работа! И не оправдывайся. Ты квартирная хозяйка, у тебя прислуга, дочка есть и при всемъ томъ кража совершена, да еще днемъ и безъ взлома.... все это.... ключи.... письмо.... царапины.... Арестовать ее!...

Сарка, было, тутъ и то и се, нѣтъ—ничего не беретъ....

Арестовать ее! было вторичнымъ приказаніемъ.

Нечего дѣлать—арестовали Сарку. Сдѣлали затѣмъ строжайшій обыскъ по всѣмъ закоулкамъ, но денегъ не нашли; составили новый актъ, взяли ключи и письмо — на томъ и покончили. Въ передней, при выходѣ, Шлемка поблагодарилъ чиновника пятидесяткою, а онъ, вмѣстѣ съ Петромъ Кузьмичемъ, пошли куда-то перекусить, ужъ, конечно, на Петра Кузьмича счетъ.... Послѣ, какъ-то, Петръ Кузьмичъ мнѣ разсказывалъ, что напихалъ его, проклятаго, устрицами, да шампанскимъ накатилъ, „а не то, молъ, донесу объ упущеніяхъ“ говоритъ. „Чтобъ ему ни дна ни покрышки!“

Между-тѣмъ какъ Петръ Кузьмичъ ходилъ закусывать съ губернаторскимъ чиновникомъ, я Сарку съ ключами и письмомъ спровадилъ въ часть подъ арестъ, а самъ хватилъ до слезъ ромашки и крѣпко-на-крѣпко заснулъ....

Чрезъ нѣсколько дней переписки о нашей Саркѣ началось слѣдствіе. А нужно вамъ сказать, что производилъ его нѣкто Яковъ Савичъ Гайкинъ, — человѣкъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника и, какъ сказывали мнѣ, изъ новыхъ, изъ воспитанныхъ. Ну-съ, такъ началось слѣдствіе. Первое, конечно, по порядку, вызвали Шлемку, для подтвержденія своего объявленія. Шлемка, разумѣется, отозвался, что подтверждаетъ во всей силѣ. Допросили затѣмъ и Сарку Фурманъ. Сарка ото всего отпер-

лась. Пошли послѣ этого справки да пересправки, очные своды, да очныя ставки. чуть-ли не всѣхъ жильцовъ въ домѣ, гдѣ жила Сарка, перетаскали, хоть никто изъ нихъ ни слухомъ, ни духомъ ничего не зналъ. Мѣсяца полтора такъ прошло. Къ Саркѣ никого не допускали. Скучно ей стало. Она все прежде думала, что ее такъ выпустятъ, потому что не считала достаточными доказательства къ своему аресту. Да держи карманъ!... Яковъ-то Савичъ вѣдь непромахъ, да и ребята его — живодеры хоть куда. Поняла Сарка въ чемъ — суть. „Дѣлать нечего, надо подѣлиться“,—думаетъ; „но какъ это сдѣлать?... Никого ко мнѣ не допускаютъ!...“

Разъ и случись—это было, какъ теперь помню. 25 мая — вызываютъ изъ арестантской Сарку, для дополнительныхъ допросовъ; въ это время пришла въ канцелярію и дочка ея. Тутъ Сарка пошушукалась съ дочкой и та ушла, да прямо къ Петру Кузьмичу и прикатила; разсказала ему все, какъ матка ея у Шлемки деньги украла, да, впрочемъ, онъ объ этомъ еще до нашего обыску, отъ нее же зналъ, — гдѣ деньги эти хранятся, въ какомъ положеніи теперь матка ея и — просила похлопотать.

— Надо деньги, — говоритъ Петръ Кузьмичъ.

— Да за деньгами матка не стоитъ, липь-бы выпустили.

— Ладно. Такъ ты поѣзжай, привези 500 рублей, авось дѣло и сладимъ.

Жидовочка—отправилась и чрезъ полчаса привезла 500 рублей.

— Теперь поѣдемъ къ слѣдователю—говоритъ ей Петръ Кузьмичъ.

Сѣли и уѣхали. Пріѣзжаютъ. Петръ Кузьмичъ къ Якову Савичу прямо въ кабинетъ ушелъ. Жидовочка осталась въ пріемной. Спустя нѣсколько времени, Петръ Кузьмичъ вышелъ. Прощаясь съ нимъ, Яковъ Савичъ съ чувствомъ и съ улыбочкой пожималъ ему руку.

— Такъ, ужъ я надѣюсь,—проговорилъ Петръ Кузьмичъ, уходя отъ Якова Савича.

— Будьте увѣрены, — отвѣтилъ тотъ и затѣмъ обратился къ своему письмоводителю — напишите и отправьте сегодня же, на утвержденіе, актъ объ освобожденіи еврейки Сарки Фурманъ, по неимѣнію достаточныхъ причинъ къ дальнѣйшему содержанію ея подъ арестомъ.

— Слушаю, было отвѣтомъ письмоводителя.

Яснѣе сказать, Яковъ Савичъ—за неимѣніе достаточныхъ причинъ къ дальнѣйшему содержанію Сарки Фурманъ подъ арестомъ—взялъ 300 рублей. Остальные 200—поступили въ запасный капиталъ Петра Кузьмича.

Хорошо. Въ тотъ же самый день, то-есть 25 мая, актъ былъ написанъ и отправленъ. Дѣло было вечеромъ.

На другой день, 26-же Мая, разсмотрѣли актъ. „Нѣтъ, братъ, стой!—разсуждалъ тамъ нѣкто Козильскій—6,500 рублей не шутка; коли ты, Яковъ Савичъ, взялъ, такъ дай же и мнѣ“. И въ силу сего разсужденія Г-на Козильскаго, нашли актъ преждевременнымъ и возвратили его къ Якову Савичу, безъ утвержденія. Смекнулъ Яковъ Савичъ чего нужно и тужъ минуту, по полученіи акта, послалъ за Петромъ Кузьмичемъ. Кузьмичъ явился.

— Я представлялъ, говоритъ ему Яковъ Савичъ, объ освобожденіи Сарки Фурманъ, но не согласились: пронюхали, знать, такъ вы ужъ похлопочите тамъ, я сейчасъ новый актъ о томъ же пошлю....

— Хорошо,—говоритъ Петръ Кузьмичъ.

Поѣхалъ домой, послалъ за дочкою Фурманъ, велѣлъ ей привезти еще 1000 рублей и когда та явилась съ деньгами, Петръ Кузьмичъ взялъ ихъ и—маршъ къ Козильскому. Новый актъ отъ Савича былъ уже тамъ. Словомъ—нечего тутъ долго распространяться—далъ Петръ Кузьмичъ 800 рублей, которые съ него требовали и Сарка Фурманъ была освобождена 26 того же мая, то-есть, того же самаго числа, въ которое актъ объ ея освобожденіи найденъ былъ преждевременнымъ. Sic!...

Наконецъ дѣло дошло до суда. Сарка чувствовала, что чужое мясо съѣла и сейчасъ же, по по-

ступленіи дѣла въ судъ на рѣшеніе, обратилась къ бывшему тамъ секретарю Дыркину съ просьбою. Дыркинъ выслушалъ Сарку.

— Я непрочь, сказалъ онъ ей, порѣшить дѣло такъ, чтобъ васъ отъ суда окончательно отстранили, но вамъ надо будетъ поклониться еще судьѣ: у насъ ужъ такъ заведено....

— Хорошо.... Сколько же вамъ за хлопоты, позвольте спросить?...

— Двѣ сотняги надо-бъ было....

— Нельзя-ли половину?... Ей-богу истратилась; расходуюсь, сама не знаю за какую вину.

„Врешь, шельма“,—подумалъ Дыркинъ.

— Мало.—говоритъ.

— Ну, извольте! Что съ вами станешь дѣлать?—сказала съ усмѣшкой Сарка.

Вынула и дала Дыркину 200 рублей.

— А Судьѣ сколько дать?- спросила она.

— Объ этомъ ужъ онъ самъ вамъ скажетъ, отвѣтилъ Дыркинъ; ступайте къ нему на домъ и когда условитесь, придите—скажите мнѣ.

— Слушаю.

Сарка ушла. Проходитъ день, другой, недѣля, двѣ — Сарки не видно. Дыркинъ и подумалъ, что она сошлась уже съ судьею въ условіяхъ, написалъ проэктъ рѣшенія въ ея пользу и подалъ судьѣ для предварительнаго просмотра.

Судьею, въ то время, тамъ былъ нѣкто — надворный совѣтникъ Романъ Степановичъ Лопанскій

— гусь, какихъ мало на свѣтѣ: просто какая-то глупая бѣшеная кошка; но взятки брать. съ приходорасходчикомъ мошенничать, послѣднюю копейку у канцелярскихъ отжиливать — на это мастеръ, анафема, хоть куда....

Вотъ прочиталъ Романъ Степановичъ проэктъ Дыркина. Не понравилось. Призываетъ его въ присутствіе....

— Нѣтъ. говоритъ, тыкая пальцемъ въ проэктъ,—эту шельму нельзя такъ оставить: тутъ. въ дѣлѣ есть сильныя противъ нея улики.

— Только несовершенныя. юридическихъ нѣтъ, возразилъ Дыркинъ.

— Да что вы мнѣ съ своими юридическими!... Какія тутъ еще юридическія?... Я говорю — если не изобличить ее окончательно, такъ оставить въ сильномъ подозрѣніи непремѣнно надо.... понимаете?... Если же и этого нельзя, то привести въ рѣшеніи положеніе о томъ, что въ нашемъ городѣ жидамъ жить запрещается и затѣмъ выслать на мѣсто родины.... Возьмите!...

И Романъ Степановичъ почти швырнулъ проэктъ Дыркину. Дыркинъ взялъ и догадался: „не сошлись“, — подумалъ онъ.

Выйдя изъ присутствія, Дыркинъ наткнулся, въ пріемной суда, на Сарку Фурманъ....

— Ну что? — спросилъ онъ ее, вѣрно вы съ судьею не поладили?...

— Помилуйте, какъ тутъ поладить? Тысячу рублей запросилъ. Не говоря уже о томъ, что я женѣ его два шелковыхъ платья подарила: платья чего-нибудь да стоютъ, — такъ когда я только заикнулась о 500 рубляхъ онъ, какъ сумасшедшій, запрыгалъ, зафыркалъ на меня, говорилъ—я ничего не поняла.... сумасшедшій, право сумасшедшій, только и разслышала: „иди, говоритъ, къ секретарю“. Вотъ я и пришла.

— Э, теперь я понялъ въ чемъ дѣло. Вы сказали, что я васъ послалъ?...

— Нѣтъ, этого не говорила.

— Ну, такъ и есть. Напрасно. Это нужно было-бъ вамъ сказать: онъ больше-бъ довѣрія къ вамъ имѣлъ; можетъ, и переторжку допустилъ-бы, на 500 съѣхалъ.... Признаться, онъ у насъ блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ. Такъ вы сходите сегодня вечеромъ къ нему опять и скажите ему, что вы со мной видѣлись и что я послалъ васъ къ нему.... Не бойтесь, смѣло идите....

Сарка ушла.

— Я была у секретаря, сказала она, придя вечеромъ въ квартиру Романа Степановича и обращаясь къ нему.

— Что-жъ онъ? — спросилъ Романъ Степановичъ какъ-то поласковѣе прежняго.

— Послалъ къ вамъ.

— Что-жъ вамъ угодно?...

— Да все о своемъ дѣлѣ пришла васъ просить...

— Хорошо. А съ Дыркинымъ — сошлись?...

— Да, я ему дала 200 рублей.

— Такъ.... такъ.... Что-жъ вы тысячи для меня жалѣете?...

— Не жалѣю, а ей-богу не могу.

— Ну такъ и быть, давайте 700!...

— И того—вѣрьте богу—не могу: платья вашей женѣ тоже вотъ....

— Что мнѣ за дѣло до вашихъ бабьихъ тряпокъ?... Вы съ нею дѣлались, а не со мною. Такъ вы и 700 не можете?...

— Ей-богу, не могу!...

— Ну, такъ вотъ вамъ послѣдняя цѣна — 500 рублей и меньше ни гроша. Какъ хотите....

— На 500 согласна.

— Давайте деньги!

Сарка отсчитала и вручила Роману Степановичу 500 рублей....

На другой день Дыркинъ получилъ отъ Романа Степановича приказаніе пустить рѣшеніе о Фурманъ въ такомъ видѣ, какъ написанъ былъ имъ проэктъ и вскорости затѣмъ Сарку, по рѣшенію суда, отъ дѣла о кражѣ у купца Шлемки Боровскаго 6,500 рублей окончательно отстранили, предоставивъ ей притомъ, по особо поданному, по наущенію Дыркина, прошенію, право искать съ Боровскаго вознагражденіе за напрасный оговоръ предъ правительствомъ и содержаніе безъ вины

подъ арестомъ около двухъ мѣсяцевъ; сужденіе же о ворѣ, укравшемъ у Боровскаго деньги, судъ заключилъ—отложить до обнаруженія его какимъ-либо образомъ. Засимъ дѣло представили на ревизію въ уголовную палату. Палата рѣшеніе утвердила, а потомъ рѣшеніе это объявили Саркѣ и Боровскому, какъ вошедшее уже въ окончательную законную силу, то-есть безъ права апелляціи...

Такимъ образомъ—видите—Шлемка остался въ чистыхъ дуракахъ: убилъ напрасно время, потерялъ деньги и лишился подряда—а Сарка, за всѣми расходами, нажила 4,500 рублей, по-прежнему живетъ у насъ въ кварталѣ; разъѣзжаетъ себѣ по городу, лошадь свою завела....

Но этимъ дѣло—кажись—не покончилось. Какъ-то вскорѣ послѣ этого, попался мнѣ знакомый чиновникъ изъ суда. Зашелъ у насъ разговоръ про Сарку. Такъ онъ мнѣ сказывалъ, что она подала на Шлемку Боровскаго прошеніе о взысканіи съ него за безчестіе и напрасное содержаніе, по оговору его, подъ арестомъ; но чѣмъ это дѣло рѣшено, еще пока неизвѣстно. Послѣ ужъ мнѣ нашъ Петръ Кузьмичъ говорилъ, что будто-бы, Шлемка кланялся Саркѣ въ присутствіи суда и заплатилъ сколько-то безчестія, подъ опасеніемъ быть подвергнутымъ аресту при полиціи.

„Вотъ тебѣ и на!—подумалъ я,—за наше добро да насъ же и выпороли“....

IV.

ПОЧИНКА КРЫШИ.

Какъ вамъ сказать?... Да, пожалуй, лѣтъ съ десятокъ, коли не больше, съ тѣхъ поръ ужъ прошло, какъ служилъ въ нашемъ небольшомъ губернскомъ городѣ—квартальнымъ надзирателемъ—нѣкто Яковъ Яковлевичъ Брюхаловъ, небольшой чинъ имѣлъ—коллежскій секретарь—только; толстенькій, знаете, такой человѣчекъ, небольшаго роста, съ багровымъ формуляромъ, по-вашему, физіономіею: выпивать любилъ; лѣтъ за пятьдесятъ уже ему было; но за всѣмъ тѣмъ, нужно правду сказать, простой такой былъ, добрякъ — сговорчивый: у другаго, бывало, нельзя, а у Якова Яковлевича — все можно, только, конечно, помни-же и ты доброе дѣло—неси подобающее.... Такъ, лѣтъ двадцать пять, или тридцать воевалъ Яковъ Яковлевичъ въ нашей полиціи. Зашибъ копѣйку на своемъ вѣку. И — нечего грѣха таить -билъ сороку и ворону, бралъ съ живаго и мертваго: и деньгой и натурою; однако добился-таки разъ до яснаго сокола: нарвался, бѣдняга, такъ, что лучше-бы, какъ самъ послѣ

сказывалъ, его на старости лѣтъ розгами на площади высѣкли, чѣмъ такому сраму предавать....

Дѣло, видите-ли, было немудреное: въ то время, о которомъ я говорю, жила, была, сударь, въ нашемъ городѣ, а можетъ и теперь живетъ — чортъ ее знаетъ, одна мыршавая старушонка, вдова мѣщанка, по фамиліи, какъ теперь помню, Норочкина, въ кварталѣ Якова Яковлевича домишко свой имѣла.... Вотъ этой-то Норочкиной понадобилось однажды починить крышу; домишко былъ ужъ старый, деревянный, поправки дѣйствительно требовалъ. Такъ она, недолго думая, подрядила плотника на крышу его, и пошла у нихъ работа.... Кому же ближе знать, какъ не надзирателю, что дѣлается у него въ кварталѣ?... Якову Яковлевичу тогда-же дали объ этомъ знать. Онъ къ Норочкиной на квартиру.... Приходитъ.... поздоровался какъ слѣдуетъ.... „А что, говоритъ, старуха, кажись, у тебя постройка производится?“... „Да чтожъ, говоритъ, батюшка, производится крыша: совсѣмъ сгнила, такъ надо маленько исправить“.... „А разрѣшеніе отъ строительной коммисіи на это у тебя есть?“.... „Какое такое это разрѣшеніе, батюшка?“... „Да разрѣшеніе, говоритъ Яковъ Яковлевичъ, на то, что тебѣ дозволяется починить крышу; видишь-ли, всякій, кто хочетъ сдѣлать какую-либо поправку въ домѣ, долженъ прежде испросить письменное разрѣшеніе отъ строительной коммисіи, а потомъ уже и поправлять,—понимаешь?...“ „И—и,

батюшка, заговорила старуха, до разрѣшенія-ли тутъ, да еще письменнаго!“ сказала и махнула рукой: „ужъ гдѣ начнутъ писать, тамъ, значитъ, и деньгу подавай, а мнѣ гдѣ взять?... Дѣло мое вдовье... насилу-то плотника наняла, да лучинками кое-какъ запаслась, а ты еще съ разрѣшеніемъ!... Какое тутъ разрѣшеніе? взяла да поправила—вотъ тебѣ и разрѣшеніе!...“ Что вы будете, батенька, дѣлать съ безтолковою бабою? Вы ей — свое, а она — свое. „Нѣтъ, не поправишь,“ говоритъ ей Яковъ Яковлевичъ, безъ разрѣшенія!... Вотъ возьму, да и сгоню твоего плотника съ крыши—и все тутъ, коли сама добромъ не хочешь послушаться... Говорятъ тебѣ—нужно разрѣшеніе коммисіи, такъ ты и слушай, да дѣлай, а иначе, починять крыши я не позволю... слышишь? Такъ законъ велитъ...“ Старуха, знаете, призадумалась... „Такъ, такъ, батюшка, ужъ коли ты говоришь, такъ, значитъ, правда: кому-жъ и грамотка въ руки, какъ не вамъ... но все же таки ты, кормилецъ, не обижай старуху—не дай на старости лѣтъ въ лужѣ помереть... Куда мнѣ таскаться по коммисіямъ? — и дверей-то порядкомъ отворить тамъ не съумѣю, не то, чтобы путное что сдѣлать... Ужъ я, родимой, за это тебя ублаготворю, говоритъ; много не могу, а во́—чѣмъ Богъ послалъ — только ужъ сдѣлай милость, не гони моего плотника, пусть себѣ, съ Богомъ, тамъ работаетъ...“ И старуха вынула и сунула въ руку Якову Яковлевичу—зелененькую... Яковъ Яковле-

вичъ ходокъ по этой части былъ: съ разу пронизалъ, знаете, бумажку... „Маловато, маловато, говоритъ; овчинка выдѣлки не стоитъ...“ Въ это время у старухи подъ печкою захрюкали поросята. „Вотъ хоть-бы одного француза прибавила, такъ ужъ такъ и быть, Богъ съ тобой, крой на здоровье... что съ тобою будешь дѣлать?...“ Старуха противъ этого ни слова. „Что ты это, на счетъ поросятъ-то говоришь?... Изволь, кормилецъ!... самаго лучшаго подросточка, говоритъ, дамъ, любаго выбирай... всѣхъ-то ихъ у меня шестеро...“ „Ну, ладно, давай ихъ сюда на показъ!...“ Старуха—за клюку и выковыряла поросятъ изъ-подъ печки. Съ пискомъ, визгомъ, хрюканьемъ выбѣжали, бѣсенята; одинъ изъ нихъ, знаете, кнурикъ—такъ побольше всѣхъ, бойкой такой, каналья, выскочилъ это, знаете, перекувырнулся раза два, да и остановился предъ Яковомъ Яковлевичемъ — баньки-то свои на него и выпучилъ. „Вотъ этого! говоритъ Яковъ Яковлевичъ; вечеромъ пришлю за нимъ вѣстоваго...“ „Хорошо, батюшка, присылай...“ „Только, гляди, старуха“, говоритъ опять Яковъ Яковлевичъ, „крышу-то починяй поскорѣе, чтобъ кто-нибудь, грѣхомъ, изъ начальства не наткнулся, а ужъ послѣ, хоть и замѣтятъ, можно сказать, что подскоблили только доски, плесенью, моль, взялись... Ну, прощай!...“ Распрощался Яковъ Яковлевичъ и ушолъ Вечеромъ получилъ поросенка...

Только, батенька мой, на другой день, по-утру,

не успѣлъ еще Яковъ Яковлевичъ порядкомъ и чайку хлебнуть, какъ жандармъ къ нему въ двери: „пожалуйте, молъ, говоритъ, в—бдіе, его пр—во васъ зачѣмъ-то требуютъ“. По дѣламъ службы, думаетъ себѣ Яковъ Яковлевичъ, невпервую.... Сейчасъ же — мундиръ на плечи, заткнулъ шпаженку, трех-уголку на голову—и маршъ. Приходитъ. „Что у васъ, любезнѣйшій, спрашиваетъ его пр—во, все благополучно?...“ „Все“, отвѣчаетъ Яковъ Яковлевичъ. „А самовольныхъ построекъ нѣтъ?...“ У Якова Яковлевича ёкнуло подъ лѣвымъ бокомъ... А, была, не была, думаетъ, семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ: „нѣтъ, говоритъ, ваше пр—во!...“ „На какомъ же основаніи мѣщанка Норочкина, что въ Глухомъ переулкѣ у васъ живетъ, починяетъ крышу?...“ У Якова Яковлевича — забарабанило. „Вѣроятно, говоритъ, есть у нее разрѣшеніе отъ строительной коммисіи.... дознать надо....“ „Вотъ, то-то и есть, что нѣтъ, это я навѣрнякъ знаю, тутъ и дознавать нечего, говоритъ его пр—во; есть у нее разрѣшеніе, только не коммисіи, а ваше, милостивый государь, понимаете?... Вы взяли за это съ старухи три рубля и поросенка... Что?... думаете, я не знаю?... Да еще осмѣлились меня обманывать?... а?... Сейчасъ же деньги — три рубля — сюда!“ Его пр—во стукнулъ по столу. Яковъ Яковлевичъ совсѣмъ растерялся. „Сюда, говорю, сюда! вскричалъ, съ сердцемъ, его пр—во, а иначе я васъ въ порошокъ сотру и по вѣтру развѣю!...“ Яковъ Яковле-

вичъ, дѣлать нечего, вынулъ денежки и положилъ... „Ну, теперь ступайте въ полицію и ждите моего прихода...“ „Слушаю-съ!“ проговорилъ Яковъ Яковлевичъ, и, какъ угорѣлый, выбѣжалъ отъ его пр—ва....

Что за дьявольщина? думалъ себѣ дорогою Яковъ Яковлевичъ.... Вѣрно, черти его туда наткнули.... Да это-бы еще ничто, а вотъ что диво, какъ это онъ пронюхалъ, что я три рубля и проклятаго этого поросенка отъ Норочкиной взялъ?... Вѣдь никто не видалъ и не знаетъ.... Просто — уму непостижимо!...

Словомъ, пришелъ Яковъ Яковлевичъ въ полицію; вскорости прикатилъ туда же и его пр—во; городничій и частный находились тутъ же. Чуть съ коляски, его пр—во прямо кинулся на частнаго: „и ни за чѣмъ вы, молъ, не смотрите, и только и дѣла у васъ, что безпорядки, и плохой вы служака, и прочее такое,—парилъ, парилъ, бѣднягу, ажно въ потъ его ударило. Кончилъ съ частнымъ — да прямо къ Якову Яковлевичу. Яковъ Яковлевичъ стоялъ маленько поотдаль, ни живъ, ни мертвъ. „Ну, мы съ вами, говоритъ, уже объяснились... Теперь сказывайте—гдѣ порося?!!“ „У меня дома“, говоритъ Яковъ Яковлевичъ. „Принести сейчасъ же!...“ Послали—принесли: лежитъ, проклятое, въ мѣшкѣ, да хрюкаетъ.... „Ну, говоритъ его пр—во, ты, братецъ мой, взялъ, такъ и отнеси, не бери никогда добра ближняго твоего

напрасно... Пойдемъ, говоритъ, бери поросенка!...“ „Какъ-такъ?“ вырвалось, было, у Якова Яковлевича. „Да такъ, говоритъ его пр—во, бери!... Что-жъ?... бери! говорятъ тебѣ, а не возьмешь, такъ я иначе съ тобою расправлюсь: на позорище всему свѣту пущу, подъ судъ, въ сибирку упру!... Небось, пакостить, такъ умѣлъ, а очистить грѣха, такъ и не смыслишь?... Бери! повторяю еще разъ...“ Якова Яковлевича совсѣмъ затормозило, перетрусилъ до-нельзя: видитъ, дѣлать нечего, надо повиноваться властямъ; взялся за мѣшокъ... „Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ его пр—во, въ мѣшкѣ, пожалуй, задохнется; внаружу его, внаружу!...“ Вынули. Кричитъ, анафемское, на чемъ свѣтъ стоитъ... „Ну, теперь, руки вотъ-такъ!“ его пр—во расположилъ Якову Яковлевичу руки, на подобіе, какъ бабы носятъ ребятъ. „Валите поросенка!“ — говоритъ сторожамъ. Тѣ связали и на руки его Якову Яковлевичу. „Теперь, пойдемте!“ говоритъ его пр—во... Двинулись. Его пр—во впереди, а Яковъ Яковлевичъ поотдаль, сзади, съ поросенкомъ... Чтожъ вы думаете, батенька?... Взвалилась эта, знаете, проклятая тварь Якову Яковлевичу на брюхо, да всю дорогу, благимъ матомъ, что есть духу, только и дѣла: куви-и-и, куви, куви, хрю, хрю, куви-и-и, куви, куви!... да все, шельмовское, съ натугою, знаете, съ прихрапомъ, все съ прихрапомъ. Народу тьма сбѣжалась; кто за чѣмъ ни шелъ, всякъ останавливался: что за оказія такая, думаютъ; гля-

дятъ, а ничего не знаютъ; послѣ ужъ узнали... А Яковъ-то Яковлевичъ... Яковъ-то Яковлевичъ, — каково-то его, бѣдняги, положеніе?... Претъ чорта на рукахъ, идетъ самъ не свой: весь багровый отъ стыда и сраму сдѣлался, потъ градомъ съ него валитъ, готовъ-бы, кажись, лучше сквозь землю провалиться... Положеніе, батенька мой, чертовское просто...

Наконецъ прошли большую улицу, повернули въ переулокъ, гдѣ домишко Норочкиной былъ.... Эта съумасшедшая корга, завидѣвши толпу народа и полицію у своего дома, сдуру, подумала, что у нее пожаръ; выскочила за калитку, что есть мочи, давай орать: „караулъ!... караулъ!... спасите!... горитъ!... и кадочки-то, на бѣду, у меня съ водою нѣтъ“.... Ужъ частный подбѣжалъ къ ней, да заткнулъ ротъ: „что, молъ, орешь?... что у тебя горитъ?... какой пожаръ?... опомнись!... ошалѣла, старая вѣдьма, на старости, что-ли?“—такъ она и замолчала. Оглянулась сюда-туда, видитъ дѣло — совсѣмъ не то: дыму— нигдѣ, а его пр—во тутъ—узнала, по мундиру догадалась, что это онъ самъ и есть.... Полиція народъ разогнала и его пр—во къ Норочкиной — на дворъ.... „Ты, спрашиваетъ, домовладѣлица Норочкина?“.. „Я, батюшка, я, ваше пр-во!“.. „Ну-съ, такъ вотъ тебѣ, мать моя: мы пришли къ тебѣ съ повинною—принесли то, что незаконно взяли... Ты дала Якову Яковлевичу три рубля и поросенка, за то, что онъ противузаконно дозволилъ тебѣ почи-

нить крышу? Такъ вотъ тебѣ деньги, вотъ тебѣ и поросенокъ—возьми!... только крыши, безъ разрѣшенія строительной коммисіи, починять не смѣй. А если еще вздумаешь пуститься на штуки, тогда, смотри, я съ тобою иначе раздѣлаюсь!...

Плотника согнали, поставили караулъ и ушли...

„Ахъ ты Господи! загнусила Норочкина, по уходѣ властей, вѣдь это онъ то, самъ его пр—во, ко мнѣ вчера и приходилъ, да распрашивалъ про крышу.... вишь, какимъ тихенькимъ прикинулся.... пальтишко-то какое на немъ было... я-то, дура неразумная, съ бухты-барахты, и разскажи ему всю подноготную: и про Якова Яковлевича, и про поросятъ и про все.... Ахъ, ты, Владычица небесная!... Чтожъ я теперь буду дѣлать?... Вѣдь не знаю, какъ къ этой коммисіи и подступить!“...

„Нѣтъ ужъ, коли-бъ зналъ, что такъ случится, что столько сраму будетъ,— такъ ужъ лучше подъ судъ, изъ службы вонъ, хоть за Сибирь даже... нищимъ пошелъ-бы по міру, а нести каторжнаго этого поросенка не согласился-бы!“—говорилъ Яковъ Яковлевичъ, придя домой и утирая катившійся съ него потъ градомъ....

И послѣ этого, батенька мой, долго, долго Яковъ Яковлевичъ не могъ безъ ужаса слышать свиного крику... Все, бѣднягѣ, мерещилось....

V.

ИСПОЛНЕНІЕ РѢШЕНІЯ.

(Разсказъ квартальнаго надзирателя.)

Нетакъ давно, а лѣтъ съ пятокъ назадъ тому таки будетъ, служилъ я, знаете, сударь, квартальнымъ надзирателемъ въ одной изъ малонаселенныхъ частей многолюднаго города С..., гдѣ, сказать вамъ мимоходомъ, я лѣтъ двадцать чистыхъ отбарабанилъ, творя судъ и расправу безъ пощады собственнаго живота; наслужился-таки въ волюшку — нечего сказать, всего наглядѣлся, многаго понадѣлалъ; думалъ было протянуть еще годикъ-другой, да старыя кости на покой запросились, такъ я и вышелъ въ чистую: пора, думаю себѣ, довольно!.. будетъ съ меня и того, что уготовалъ — на весь вѣкъ хватитъ, безъ горя доживу!... Ну-съ, такъ служилъ я, какъ вамъ докладывалъ, квартальнымъ надзирателемъ; дѣла у меня, благодаря бога, шли въ порядкѣ, бумаги исполнялись во-время, происшествій — мало, развѣ иногда мужики въ кабакѣ подерутся, да прихватитъ кого-либо при постройкѣ

кирпичиною; воришки хоть и частенько попадались. да все мелюзга, дрянь, грошовики; мертвое тѣло— когда-не-когда всплыветъ, а вовсемъ прочемъ тишина и спокойствіе были: мелкотравчатаго чиновнаго люду, что разныя кляузы да ябеды затѣваетъ и судится не на животъ, а на смерть—жило мало. амурныхъ притоновъ, что выплясываютъ тамъ въ пьяномъ видѣ, а подъ конецъ въ мордоклепку играютъ, или иначе увеселяются,—вовсе небыло, даже одиночекъ, какъ ихъ зовутъ, у себя въ кварталѣ жить не допускалъ: чуть принесутъ бывало желтый въ прописку — сейчасъ же его городовому въ руки: на, молъ, поди объяви, чтобъ и духу ее здѣсь небыло.... не терплю такой срамоты; ну, та, конечно, не посмѣетъ поперечить — уберется; — словомъ сказать, сударь, спокойный кварталишко былъ.... Правда, случалось иногда, что и въ мое захолустье забѣжитъ тучка, особенно по дѣламъ умершихъ, чаще всего изъ купеческаго сословія, или же по какимъ неправильнымъ дѣйствіямъ о взысканіи денегъ по документамъ, но слава богу, все кое-какъ сходило съ рукъ: иной разъ отпишешься, а иной—видишь, что этимъ орудіемъ ничего не подѣлаешь, ну-такъ съѣздишь къ кому слѣдуетъ, свезешь что подобаетъ—глядишь, тучка и прошла.... дѣльце обмололось и опять сидишь себѣ спокойно у моря да ждешь погоды.... Да-съ, бывали всякіе случаи, сударь!... Но одинъ разъ такая исторія вышла, что всѣхъ насъ переполо-

шила—чуть съ ума не свела; вѣрите-ли—весь вѣкъ свой изслужилъ—въ голову никогда не приходило не то, чтобъ случилось что-нибудь похожее—просто пакость иродова да и только!... Дѣло, видите-ли, вотъ въ чемъ: однажды—это было зимою, какъ теперь помню предъ зимнимъ Николою, пришелъ я по обыкновенію въ часть и принялъ тамъ цѣлую охапку бумагъ, подлежавшихъ моему исполненію: штукъ ихъ пятьдесятъ было, связалъ ихъ веревочкой, покалякалъ кой-съ кѣмъ, показался приставу и—маршъ домой въ кварталъ; время было обѣденное—изъ конторы моей всѣ разбрелись.... червячекъ шевелилъ мою утробу.... ну-съ, такъ я и отложилъ разсмотрѣніе бумагъ до вечера; отобѣдалъ исправно чѣмъ богъ послалъ—на боковую и захрапѣлъ.... Вечеромъ принялся за бумаги: прочелъ одну, другую, третью, десятую, наконецъ попадается мнѣ отношеніе Т.... части нашей-же полиціи; взялъ—читаю: „по жительству, пишутъ тамъ, финляндской урожденки К.... С.... въ моемъ то есть кварталѣ, на дачѣ Л.... препровождается при семъ переписка, для надлежащаго исполненія;“—нумеръ, число какъ слѣдуетъ: читаю дальше переписку—вижу, что эту нѣмку, по рѣшенію суда, вошедшему уже въ окончательную законную силу, за разные противузаконные тамъ поступки, надо было наказать пятнадцатью ударами розогъ и затѣмъ выдержать подъ арестомъ при полиціи семь дней... Ну, и на здоровье, думаю себѣ, высѣчь, такъ вы-

сѣчь.... наше дѣло — представить въ часть, а тамъ пусть съ нею что хотятъ, то и дѣлаютъ!... Велѣлъ справиться по книгамъ урожденцевъ княжества финляндскаго — живетъ-ли у насъ такая-то? Справились—живетъ; ну, коли такъ, то за нами дѣло не станетъ.... Перечиталъ, знаете, всѣ бумаги и отдалъ своимъ писакамъ написать, кому слѣдовало, повѣстки на явку въ управленіе квартала, а кстати вамъ сказать, сударь, славные были у меня ребята: одинъ чиновникъ въ отставкѣ, а другой изъ разночинцевъ, какой-то почетный гражданинъ, оба парня видные, горитъ, бывало, дѣло какъ примутся; ну, ужъ коли и запьютъ, такъ унеси ты мое горе!... то и дѣло что въ кабакъ, да въ портерную... да прахъ ихъ побери—хоть-бы пьянствовали дома!.. а то нѣтъ! перепьются и пойдутъ по улицамъ амуровъ ловить, глядишь и провалились, а въ кварталѣ безъ нихъ точно безъ рукъ: дѣло знали шельмы туго, умѣли концы съ концами сводить; вотъ ждешь, бывало, ихъ день, ждешь другой, ну и давай гонять городовыхъ да будочниковъ на поиски; тѣ кое-какъ найдутъ притонъ, залучатъ, такъ я и запру ихъ, бывало, въ каморочку, чтобъ проспались, то есть хмѣль прошелъ. Выспятся;—дамъ имъ чарочки по двѣ опохмѣлиться и — пошла работа: смотришь: день два и—все чисто, гладко,—потому я ужъ, бывало, ихъ и не урекалъ. Да не въ томъ, впрочемъ, сударь, дѣло.... Написали, знаете, между прочимъ, повѣстку и нѣмкѣ, чтобъ на завтра яви-

лась въ кварталъ и отдали городовому снести. На другой день городовой приходитъ и говоритъ, что нѣмки, которой была повѣстка, нѣтъ дома, а что сестра ея сказала, что она всю недѣлю работаетъ въ городѣ въ какомъ-то магазинѣ и приходитъ только по субботамъ; дѣлать было нечего—подождали до субботы; послали опять повѣстку — нѣмки нѣтъ: наконецъ въ воскресенье поутру является моя голубушка, разбушенная въ пухъ и прахъ: кринолинъ насилу въ дверь втащила, вся въ шелку да въ кружевахъ и сама изъ себя такая бѣленькая, пухленькая, розовенькая, ароматомъ такъ отъ нея и несло; съ нею вмѣстѣ пришелъ и какой-то дылда-нѣмецъ, въ родѣ богъ его знаетъ кого... нѣмка, знаете, по-русски говорить не умѣла, или понимала мало, за нее говорилъ нѣмецъ. „Вы — спрашиваю—такая-то?“ Нѣмецъ отвѣтилъ: „да!“, нѣмка подтвердила по-нѣмецки: „я, я!“ Ну, коли ты, то и ладно!... жаль мнѣ тебя, моя красотка, думаю себѣ, посѣкутъ тебя маленько, да дѣлать нечего.... служба не свой братъ!... Тутъ нѣмецъ спросилъ — зачѣмъ, молъ, ее требовали? Я, знаете, чтобъ непотревожить нѣмку безъ времени, да и для сохраненія канцелярской тайны, объявилъ, что ей нужно получить изъ части деньги и что для сего ее туда и требуютъ,—хороши деньги—нечего сказать!... Между-тѣмъ пакетъ изготовили съ надписью: „лично“, сейчасъ же его въ разсыльную книгу — городовому въ руки... „пожалуйте, говорю, господа, въ

часть!... онъ кстати туда идетъ, такъ вамъ все и укажетъ, а самъ городоваго въ сторону и шепнулъ ему, чтобъ показывалъ видъ будто ведетъ ихъ не подъ конвоемъ. Нѣмцы раскланялись и ушли; я — за свое дѣло принялся. Прошло воскресенье—сѣчь по праздникамъ запрещается. Въ понедѣльникъ я снова отправился въ часть за пріемомъ бумагъ; вошелъ въ канцелярію, гляжу: стоитъ моя нѣмка предъ приставомъ, а поодаль маленько читалъ ей во все-услышаніе рѣшеніе суда письмоводитель. Прочитали; всѣ молчатъ и нѣмка молчитъ, видно было, что хотѣла что-то сказать, да не могла выразить; пришедшій въ ту пору нѣмецъ бросился было говорить за нее, но его команда не допустила: сейчасъ же въ сторону, дали раза два, или три, подъ требухи—что, молъ, порядки нарушаешь, буйство производишь, въ чужое дѣло суешься, такъ онъ и замолчалъ.... Не успѣлъ приставъ сказать: „исполнить!“, фельдфебель тутъ же подхватилъ: „зеленьких изъ кухни!“.. мигомъ спустили нѣмку внизъ— въ арестантскую, съ-разу кринолинъ долой, раздѣли, положили и высѣкли.... ужъ она голубушка, и туда и сюда, и вертѣлась и кричала—ничего не помогло!.. отсчитали пятнадцать и опять—въ арестантскую; просидѣла семь дней—выпустили, а суду написали, разумѣется, донесеніе, что рѣшеніе онаго надъ такою-то финляндскою урожденкою, въ чемъ слѣдовало, исполнено....

Но не успѣло еще донесеніе это уйти, какъ

чрезъ три. или четыре дня послѣ освобожденія нѣмки. сижу я, знаете. сударь. у себя дома поутру на диванчикѣ, попиваю чаекъ да трубочку покуриваю, день былъ морозный — нарочно велѣлъ истопить потеплѣе. вдругъ входитъ ко мнѣ приставъ: „милости просимъ!“ говорю. Приставъ сѣлъ. „А я къ вамъ съ новостью. говоритъ. пришелъ!“ „Что тамъ еще?“ спрашиваю. „А вотъ нате читайте!“ и подалъ мнѣ бумагу.... Взялъ, читаю — вижу прошеніе финляндки К... С... къ губернатору. съ требованіемъ отъ насъ объясненія, въ которомъ она пишетъ. что полиція. молъ. такой-то части. неизвѣстно за что. обманнымъ образомъ затащила ее на съѣзжую. высѣкла. выдержала подъ арестомъ семь дней и затѣмъ выпустила — за что и прочто она сама не знаетъ: грѣха за собою ни какого не чувствовала. дѣлъ ни какихъ не имѣла. а потому проситъ разобрать это дѣло и взыскать съ виновныхъ за обезчещеніе ее по закону. за неправильныя же дѣйствія—предать суду уголовному... Прочиталъ.... Экъ остервенилась! думаю. знать славную дали лупку. что и до сихъ поръ не опомнится!.. ополоумѣла!... „Ну. чтожъ? говорю приставу. ябеда — и больше ничего.... Эти проклятые чухны всегда такъ — кругомъ, шельма, виноватъ. по уши залѣзетъ въ грязь. а чуть маленько выкарабкается. сейчасъ-же и кинетъ куда-нибудь ябедку: на. молъ, хоть и рыло въ крови, да думаетъ, моя взяла.... Вѣдь мы не самопроизвольно-же распорядились съ

нѣмкою, а исполнили лишь буквальное предписаніе: про то, стало-быть, начальство знаетъ, ну, такъ и напишемъ, что такая-то нѣмка была выпорота и выдержана подъ арестомъ при полиціи согласно опредѣленію суда, а для пущей важности приложимъ къ донесенію и переписку, чтобы яснѣе, знаете, видно было — въ силу чего мы такъ дѣйствовали — вотъ и все тутъ и нѣмка — съ носомъ; оно и хорошо, да и съ нѣмки послѣ можно будетъ за безчестіе сорвать: нѣмецъ-то, что съ нею приходилъ — знать тово.... но чтобъ она до того времени не выѣхала изъ города, да и для острастки, надо отобрать отъ нея паспортъ и пріобщить къ дѣлу... „Такъ-такъ!“ подтвердилъ приставъ... „Гдѣ переписка? спрашиваю“. А вотъ она со мною, сказалъ онъ и положилъ переписку на столъ. „Ну и ладно!... Теперь нужно только паспортъ“. Послали, принесли. Давай мы его разсматривать: видимъ—законный; свѣрили съ перепискою, такъ, она сама и есть: званіе, имя, отечество и фамилія—все одно. Ахъ, ты каналья, думаемъ, вздумала прикидываться еще праведною!... постой-же! мы тебя растушуемъ—останешься довольна!... разъ выпороли, такъ выдерутъ и въ другой! не желай добра ближняго твоего, не бреши напрасно!... Только мы, сударь, это разсматриваемъ, подходитъ къ намъ мой письмоводитель: принесъ кой-какія бумаги мнѣ для подписи, да узнавши о чемъ у насъ идетъ рѣчь—и возьми паспортъ нѣм-

кинъ; посмотрѣлъ, знаете, паспортъ, да и говоритъ: „взгляните-ка, Сысой Сысоичъ — это мнѣ-то — въ переписку: какихъ лѣтъ значится тамъ въ рѣшеніи суда нѣмка?“ „А что?“ спрашиваю. „Да такъ, для аккуратности—все же лучше: здѣсь въ паспортѣ значится 19, такъ вѣрно-ли, что и въ рѣшеніи такъ?“ Я шаркъ, шаркъ, нашелъ, гляжу и глазамъ своимъ не вѣрю: въ рѣшеніи суда значилось 28-ми; кинулся туда-сюда, читать дальше переписку—все выходитъ 28; душа въ пятки такъ у меня и ушла... Приставъ ко мнѣ: „что?“ говоритъ... „Да что? говорю, нѣмку-то мы и на самомъ дѣлѣ не ту высѣкли“.... „Какъ-такъ?“... „Да такъ! нате читайте: видите-ли: той, которую высѣкли всего 19-ть лѣтъ, а которую слѣдуетъ высѣчь — 28-мь, стало-быть дали маху и—все тутъ!“... Чтожъ вы надѣлали, напустился на меня приставъ, куда вы глядѣли, кого вы ко мнѣ представили?... вѣдь вы и меня и себя теперь подъ уголовную палатку подвели!.. Что мы теперь будемъ дѣлать?“... „Да я-то въ чемъ виноватъ? говорю, мнѣ указали мѣстожительство подсудимаго, имя, отечество и фамилію, стало-быть мое дѣло — взять и представить въ часть, а тамъ ужъ.... „Позвать сюда городоваго, что ходилъ за нѣмкой!“ перебилъ меня приставъ. Городовой пришелъ „Ты ходилъ за нѣмкой?“ спрашиваетъ. „Никакъ-съ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, я носилъ только повѣстку и передалъ ее будочнику“. „А а а! такъ-такъ-то ты исполняешь приказанія!... тебѣ

поручено, а ты будочнику, самъ на печку скорѣй, или въ ресторацію!... Твое дѣло было удостовѣриться—дѣйствительно-ли живетъ въ домѣ то лицо, которое кварталъ требуетъ, а у васъ этого нѣтъ!.. Завтра-же изъ списковъ долой.... Позвать будочника!"... Явился будочникъ. „Ты гдѣ дѣвалъ повѣстку — что была нѣмкѣ?" „Дворнику передалъ, а самъ торопился на часы!" — На часы?... вѣрнѣе въ кабакъ!... на три дня безъ смѣны!... Послать дворника!.." Пришелъ дворникъ и на спросъ доложилъ, что повѣстку онъ передалъ квартирной хозяйкѣ. „А самъ съ бабой на сѣновалъ!.. нѣтъ того, чтобъ свое дѣло помнить, кто живетъ въ домѣ, что и какъ!... десять розогъ при части!" Словомъ, такая пошла у насъ, сударь, передряга, что и не приведи господи!.. Приставъ—зуботычину городовому, и вонъ, городовой — будочнику, будочникъ — дворнику, такъ и ушли по двору, тыкаючи одинъ другаго... „Послушайте! говорю я приставу, тутъ горячиться нечего, надо разсудить толкомъ—скорѣе на мировую съѣхать, пока дѣло не разгорѣлось.... надо уломать нѣмку!... Бросились, туда-сюда—нашли ее; долго бестія артачилась, однако кое-какъ уломали; сложились по сѣренькой—дали, на томъ и дѣло кончили. Вотъ тебѣ и разъ! думаемъ себѣ, хотѣли съ нее слизать, анъ пришлось самимъ приплатиться... дура была, простофиля, могла-бъ и тысченку стянуть коли небольше!... Отобрали, знаете, отъ нея мировую подписку, что, дескать, она

къ намъ всякую претензію прекращаетъ и впредь таковой имѣть не будетъ, которую приставъ, вмѣстѣ съ прошеніемъ, самъ лично свезъ куда слѣдовало... такъ и заглохло и неправильныхъ дѣйствій ни какихъ не оказалось....

Чтожъ, думаемъ, намъ дѣлать теперь съ перепискою?... Надо же какъ-нибудь ее спихнуть?... Послали, знаете, запросъ въ адресный столъ.... адресный столъ — отвѣчаетъ, что двѣ финляндки К.... С.... по свѣдѣніямъ его значутся проживающими въ г. С... одна — значитъ — въ моемъ кварталѣ, а другая, какъ послѣ-то оказалось, настоящая виновница—въ Ъ... части, такъ мы, вырвавши, разумѣется, свои грѣхи, и бухъ туда переписку: ну тебя!... шутъ съ тобой!.. изыди отъ насъ, нечистая сила!... Тамъ, конечно, разъискали и другую нѣмку и, для порядку, тоже выпороли, а суду донесли, что рѣшеніе онаго окончательно исполнено.... Вотъ вамъ, батенька, какія штуки на свѣтѣ божіемъ дѣются!...

VI.

ЗАМѢТКИ.

I.

ГНѢДОЙ МЕРИНЪ.

Къ намъ въ часть на съѣзжую забрела, какъ-то, неизвѣстно кому принадлежащая лошадь.... Ну, конечно, ее сейчасъ поймали.... Глядимъ — мѣринъ гнѣдой масти, коренастый такой, пятьдесятъ рублей, кому ненужно, далъ-бы....

Доложили объ этомъ нашему приставу Одурову....

Одуровъ вышелъ, осмотрѣлъ мерина, потрепалъ по шеѣ: славная лошадка, думаетъ, и тутъ-же порѣшилъ завладѣть ею.... Но какимъ образомъ?... Ну, ужъ это наше дѣло.... Сейчасъ-же далъ приказъ фельдфебелю свести мерина на конюшню, а самъ — къ себѣ въ канцелярію, сѣлъ и накаталъ донесеніе по начальству: „что, молъ, сего числа, въ такомъ-то часу дня пристала къ моей части неизвѣстно кому принадлежащая лошадь — мѣринъ вороной масти, а потому благоволите сдѣлать о

семъ публикацію—не окажется-ли къ тому мерину хозяина“.... Тамъ, конечно, въ силу сего донесенія, и тиснули публикацію о ворономъ меринѣ.... Припечатали три раза въ вѣдомостяхъ — хозяинъ, разумѣется, къ вороному мерину не являлся.... Лошадь, по порядку, велѣно было продать съ публичнаго торга....

Одурову этого и нужно было.... Чистые оцѣночные бланочки, за подписью присяжнаго цѣновщика, у него всегда водились, да и теперь, кажись, водятся—значитъ—цѣни какъ хочешь: своя рука владыка.... Одуровъ подмахнулъ мерина — въ три рубля и, для соблюденія всѣхъ формальностей, послалъ по кварталамъ предписанія объявить жителямъ, чтобы желающіе изъ нихъ такого-то числа въ десять часовъ утра явились въ часть на торги.

Въ кварталахъ, какъ водится, повернули предписанія эти вверхъ спиною, расписались, что „къ исполненію принято“ — и конецъ....

Между-тѣмъ Одуровъ составилъ торговый листъ на продажу лошади, призвалъ, трехъ какихъ-то водовозовъ и, безъ дальнихъ разговоровъ велѣлъ имъ росписаться, что они являлись на торги для покупки мерина и объявляли цѣны: тотъ — такую, тотъ—такую, а тотъ—такую, не свыше однакожъ, оцѣночной, а своему вольнонаемному писцу приказалъ въ заключеніе расчеркнуться: „высшую цѣну—три рубля десять копѣекъ объявилъ и далъ и представилъ такой-то“....

Тѣмъ дѣло и кончилось. Мерина Одуровъ оставилъ на конюшнѣ у себя навсегда, а кто послѣ, въ назначенный срокъ, приходилъ на торги, тому объявляли, что лошадь уже продана и — больше ничего не будетъ....

II.

ГРАБИТЕЛИ.

Бросилъ службу я у Одурова. Поступилъ къ Обдувалову... Ужъ именно правда — что обдувало... Захотѣлось, знаете, ему прислужиться начальству — награду, крестикъ тамъ, или что другое получить... Вотъ онъ и является къ градоправителю, да и говоритъ: „что, молъ, ваше в—діе, или пр—во, забылъ ужъ какъ и величали, — дошло до моего свѣдѣнія, что сегодня, ночью, три подозрительныхъ лица намѣрены ограбить одного огородника, что за глухою заставою у насъ живетъ—такъ окажите мнѣ въ этомъ дѣлѣ свое содѣйствіе“....

Градоправитель, разумѣется, какъ лицо, заботящееся о благосостояніи гражданъ и города, снабдилъ Обдувалова своимъ содѣйствіемъ, то-есть деньгами и командою....

Обдуваловъ отправился....

И дѣйствительно ночью захватилъ на мѣстѣ пре-

ступленія двухъ человѣкъ—третій успѣлъ скрыться; составилъ тутъ же на мѣстѣ объ этомъ актъ, связалъ грабителей, представилъ ихъ начальству и, получилъ — награду

Послѣ ужъ, по секрету, мнѣ разсказывалъ — какъ онъ дѣлишко это обдѣлалъ: „видишь-ли, братецъ мой, какъ это сотворилось.... Есть у меня стриженый.... ну знаешь? — лакей мой.... дорогой парень, нужно тебѣ сказать: пять разъ въ тюрьмѣ сидѣлъ.... въ прошломъ году только выпустили, да и то по неимѣнію лишь уликъ избѣжалъ сибирки, мастакъ, шельма, что называется, на всѣ руки.... Вотъ я его и маршъ въ командировку — подговорить гдѣ-либо въ портерной, или кабакѣ, нѣтъ-ли желающихъ ограбить такого-то; онъ—отправился; зашелъ въ портерную, что вотъ тутъ у насъ въ переулкѣ рядомъ съ кабакомъ, прикинулся мазомъ, ну и наткнись тамъ на двухъ забулдыгъ какихъ-то; отвелъ ихъ въ сторону, поднесъ по одной-другой, да и говоритъ: „А что, братцы, хотите мнѣ товарищами быть?...“ „А что?“—говорятъ тѣ.... „Да то, говоритъ, коли хотите, такъ всѣмъ хорошо будетъ“... „Отчего же нѣтъ, говорятъ, сказывай!..“ „Ну, такъ слушайте, говоритъ: у насъ тутъ за заставой есть огородникъ богатый, одиночкою живетъ — такъ ограбимъ его: всѣмъ лафа будетъ“.... Тѣ подъ хмѣлькомъ, съ-пьяна извѣстно, и говорятъ „идетъ, идетъ!... Когда-же?...“ „Да хоть сегодня въ одиннадцать часовъ ночи, говоритъ моя-то

шельма, вы въ десять будьте здѣся, я приду и всѣ трое“.... „Ладно!“ говорятъ.... Словомъ уговорились—ударили по рукамъ.... Мой прощалыга поставилъ имъ еще пару-другую.... далъ двугривенный что-ли и—ко мнѣ.... Я тотчасъ-же—къ нашему; доложилъ—что, молъ, сегодня будетъ то и то; взялъ для успѣшнаго открытія преступленія пятьдесятъ рублей и команду и—вечеромъ въ одиннадцать часовъ за заставу къ огороднику, а своего стриженаго часами двумя раньше передъ симъ послалъ; онъ, какъ сказано, сошелся съ молодцами по уговору, завелъ ихъ для храбрости въ кабакъ. еще подпоилъ и почти совсѣмъ пьяныхъ привелъ къ огороднику; только что они съ-пьяна и съ-дуру, начали шумѣть, да напирать на наружную дверь,—я тутъ какъ снѣгъ на голову; своему велѣлъ скрыться, а ихъ голубчиковъ цапъ-царапъ; и не противились—легли на землю, точно рѣзаные... одного даже вырвало.... Вотъ и мудрость вся....

III.

ДѢЛАТЕЛЬ ФАЛЬШИВЫХЪ КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ.

(Продолженіе разсказа Обдувалова).

А вотъ вамъ еще случай, продолжалъ, разохотясь, Обдуваловъ.... Какъ теперь помню, дѣло было

предъ праздникомъ Рождества: тоже хотѣлось наградишку получить.... Въ это время жилъ у меня въ части въ одномъ захолустьѣ старикъ—раскольникъ, по міру побирался, на старообрядческомъ кладбищѣ всегда милостыню просилъ, лѣтъ за пятьдесятъ ему ужъ было.... „Ну, ты, думаю себѣ, неслиняешь—такой же останешься, хоть годикъ другой и просидишь въ тюряхѣ, все равно по-пусту болтаешься“.... Вотъ я къ нашему съ докладомъ, да и говорю, что такой-то, молъ, раскольникъ производитъ фабрикацію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ.... Нашъ выслушалъ и возложилъ на меня открытіе этого преступленія... У меня, разумѣется, все было уже къ этому подготовлено: стриженый былъ у старика раньше — явился къ нему, знаете, подъ видомъ поданія милостыни, подалъ ему калачъ тамъ или булку, подкинулъ небольшой станокъ, и два камня для тисненія и ушелъ.... Вскорости нагрянулъ и я съ командой, поставили цѣпь; вошли въ избу.... Гляжу — сидитъ мой старикъ на лавочкѣ и жуетъ что-то.... „Здравствуй, говорю, старина!...“ „Здравствуй, батюшка! говоритъ, что тебѣ надо?...“ А то, говорю, надо—что у тебя производится фабрикація фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ“.... „Плюнь тому въ рожу, кто тебѣ это и сказалъ“ говоритъ.... „Нѣтъ, плеваться нечего, говорю; а прежде нужно тебя обыскать.... Эй, конвойные—за работу!“... Эти метнулись туда — сюда и нашли у старика подъ лавкою станокъ и камни.

„А это что?“ говорю.... Хрычъ мой совсѣмъ растерялся: незнаетъ откуда что и взялося... Ну, конечно, тутъ-же его связали, заковали и представили по начальству... А я за успѣшный розыскъ получилъ пятьсотъ рублей чистыми денежками.

Такъ вотъ какъ было въ старину, заключилъ Обдуваловъ. Въ частую — такъ. Потомъ и кровію въ этихъ дѣлахъ рѣдко возьмешь: не святодухъ какой—всегда не узнаешь, а между-тѣмъ надо же отличиться — показать себя начальству.... Ну, — и ухищряешься....

IV.

Одинъ разъ забрелъ въ часть пьяненькій чиновникъ, коллежскій регистраторъ какой-то, за справочкой. Ну, извѣстно, справка — справкой, а водка — водкой. Дали мы ему справку, а за водку — спустили въ арестантскую: „поди, дескать, отрезвись“, хоть—нечего грѣха таить—и сами-то сидѣли еле, еле душа въ тѣлѣ: ну, да это—мы, а не кто другой... намъ можно. Переночевалъ нашъ чиновникъ. На другой день вывели и его вмѣстѣ съ прочими на резолюцію. Это — видите-ли — резолюція.... въ родѣ рѣшенія, знаете: запишутъ васъ прежде въ арестантскій списокъ, а потомъ — есть тамъ особенная графа — приставъ знаетъ, что съ вами дѣ-

лать. Ну-съ, такъ вывели и его. Стоитъ нашъ чиновникъ — молчитъ, да что тутъ было и говорить, коли камни вопіяли. Вышелъ приставъ, сѣлъ на стулъ, крякнулъ, перебралъ всѣхъ, добрался и до чиновника....

— Сдѣлайте милость, господинъ приставъ, говоритъ напъ коллежскій регистраторъ, освободите меня.... я человѣкъ служащій — на службу пора....

— А вы гдѣ служите?—спрашиваетъ приставъ.

— Тамъ-то....

— А живете гдѣ?...

— Тамъ-то....

— А кто васъ знаетъ?...

— Такой-то....

— Ну, хорошо — пожалуй, я освобожу васъ, только вы дадите намъ подписку....

И освободили мы чиновника, взявши съ него подписку такого содержанія: „я, нижеподписавшійся, далъ сію подписку управленію такой-то части въ томъ, *что я впередъ никогда пить не буду*“. Такъ-таки прямо и написали, *что онъ впередъ никогда пить не будетъ*.

Ну и кончено. Выпустили.

V.

Въ другой разъ нищую бабу привелъ будочникъ за прошеніе милостыни.

— Ты что христарадничаешь, спрашиваемъ, развѣ не знаешь, что просить милостыню запрещается?...

— Какъ не знать, батюшка,—знаю... Весь вѣкъ свой на милостынкѣ изжила, да вотъ теперь грѣхъ такой случился: кавалеру-то, что привелъ меня, оброку не заплатила. „Сборы плохіе“, говорю ему, а онъ и знать ничего не знаетъ, никакихъ резоновъ не слушается. „Дай, говоритъ, хоть на косушку, не то въ часть предоставлю.“ Ну, я, конечно—гдѣ взять?... не дала, такъ онъ меня взялъ да и привелъ сюда: „ты, говоритъ, у меня избаловалась, неисправная платильщица стала, такъ поди, молъ, я тебя...“ А какая—такая тутъ платильщица?... Извѣстно—когда въ праздникъ какой соберешь что, либо стоя на паперти у церкви, либо тамъ на улицѣ—такъ всегда ему половину давала: такой ужъ у насъ уговоръ съ нимъ, ну и не тревожилъ тогда, а теперь вотъ не успѣла выйти, руки протянуть, а онъ какъ тутъ: „на косушку!“ А гдѣ мнѣ ему взять?... Потерпѣлъ-бы до вечера, ну и подѣлилась-бы. Небось Аксиньѣ кривой, аль Маврѣ, что собачьимъ солнышкомъ прозываютъ, терпитъ....

Пока баба молола, будочникъ стоялъ да хлопалъ глазами....

— Вретъ, говоритъ, ваше в—бдіе!...

Ну, конечно, и не повѣрили бабѣ. Спустили ее

въ арестантскую, а на другой день отправили, куда слѣдовало.

А по совѣсти сказать, баба—правду говорила...

VI.

. . . . . Видите-ли: есть у насъ заведеніе наряжать, особенно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, для забора нищихъ, переодѣтыми городовыхъ и будочниковъ. Заведеніе—хорошее съ цѣлію искоренить нищенство. Но, напрасно только переодѣваютъ ихъ: и въ овечьей шкурѣ — волка видно. Нищіе знаютъ ихъ отлично. А почему? — спросите вы... А вотъ почему: я былъ самъ нѣсколько разовъ свидѣтелемъ, какъ городовые и будочники заключали съ нищими сдѣлки на право нищенства и какъ гонялись взапуски, вокругъ церкви, за тѣми изъ нихъ, которые или на сдѣлки не соглашались, или же дѣлались нарушителями ихъ...

Обыкновенно дѣло между ними происходитъ такъ: всякій, желающій заниматься нищенствомъ, обязанъ, подъ опасеніемъ съ перваго же раза быть представленнымъ въ часть, заключить съ городовымъ или будочникомъ, въ участкѣ котораго думаетъ производить ремесло, условіе на безпрекословную отдачу имъ половины ежедневнаго сбора,

а потомъ и стой себѣ да протягивай сколько хочешь — не тронутъ, только плати исправно, а — нѣтъ, то — извини: сейчасъ же на сворку да и въ часть; тоже самое бываетъ и съ тѣми, которые не соглашаются. по своей неопытности. заключить сдѣлку....

— Семенъ Ивановичъ, а Семенъ Ивановичъ, говорилъ однажды будочникъ городовому, кажись наша Аксинья-то кривая свихнулась... пошаливать стала.... сбору и четверти противъ прежняго не даетъ....

— Ну, такъ и церемониться съ нею нечего — въ часть шельму, да и баста, коли выкупу не дастъ!... Ты понапри-ка на нее хорошенько, а не поддастся—тащи ее!... А вотъ тѣ трое изъ новенькихъ? Ты говорилъ съ ними?...

— Какъ же, Семенъ Ивановичъ. говорилъ...

— Что-жъ они?...

— Согласны — говорятъ...

— Ну и дѣло. На первый разъ — не забудь — отведи имъ на паперти мѣстечко повиднѣе...

— Слушаю-съ...

— Ну, а Мавра, что собачьимъ солнышкомъ прозывается, какъ?...

— Да все же такъ — не плотитъ....

— Такъ ну ее къ чорту!... Увидишь—тащи въ часть!...

— Хорошо-съ, Семенъ Ивановичъ . . . . .

. . . . . .

А вы еще спрашиваете — отчего у насъ нищихъ пропасть?... По неволѣ расплодятся...

VII.

Случилось также, что въ нашемъ городѣ, у одного господина, важнаго, умерла нянюшка—мѣщанка была, Матреною Васильевою прозывалась—старуха лѣтъ за семьдесятъ. Умерла, знаете, и оставила послѣ себя-таки порядочно добра. Наслѣдниковъ, въ то время, на лицо никого не было, — стало-быть, наше дѣло было итти въ квартиру умершей и опечатать имущество ея, для предохраненія отъ растраты. Когда намъ заявили о смерти старухи—мы такъ и сдѣлали. Надзиратель самъ не пошелъ, а послалъ своего старшаго помощника Карпа Карповича Карлова и меня за нимъ погналъ. Взяли мы съ собою свидѣтелей — приходимъ. Старуха—лежитъ на столѣ; въ комнатѣ—двѣ-три бабы болтаются и управляющій домомъ господина тутъ же былъ; вскорости пришла и сама госпожа. — Вотъ тебя такъ и не нужно-бъ было, нелегкая тебя принесла, всему дѣлу помѣхою будешь... Однако—дѣлать нечего—приступили къ описи. Описали мебель, образа, все что внаружѣ находилось, затѣмъ полѣзли и по коммодамъ; тамъ всѣ тряпки бабьи

переписали; наконецъ забрались въ верхній ящикъ коммода и находимъ тамъ пачки съ три радужныхъ. заемное письмо и ломбардный билетъ. Ладно. Вынули. Тутъ у насъ ужъ другая механика пошла. Карпъ Карповичъ усѣлся это за столъ, да и ну шаркать бумажками, считать то есть, да вмѣсто одной, вчастую и двѣ подхватитъ: оно, послѣ-то и вышло, что въ наличности оказалось 3,500 р., а у насъ въ экономіи 600 руб. Свидѣтели, конечно, тутъ же были, да куда имъ было разглядѣть: денежки-то въ нашихъ лапахъ были и лапы ловко ходили.... Кончили опись, взяли документы и деньги съ собой и ушли. На дорогѣ экономію раздѣлили....

Приходимъ въ контору — сдали остальное надзирателю Петру Ивановичу Свинкину, для представленія куда слѣдовать будетъ. Но Петръ Ивановичъ еще лучше нашего распорядился: онъ, видите-ли, прежде, когда-то, по порученію начальства, ѣздилъ на розыскъ дѣлателей фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Нашелъ-ли онъ тамъ ихъ, или— нѣтъ, только съ командировки привезъ порядочную пачку фальшивыхъ депозитокъ разнаго достоинства. Вотъ они ему теперь и пригодились: заперся онъ, знаете, къ себѣ въ кабинетъ, да и давай тоже механикою заниматься — на тысячку съ хвостомъ и подмѣнилъ настоящія — фальшивыми, да и представилъ затѣмъ по принадлежности: „чорта съ два, думалъ онъ себѣ, ко мнѣ придерутся: по-

слѣ умершей, молъ, такой-то найдены. а на мертвомъ — и смерть красна.“ Подмѣнилъ-бы, можетъ, и больше, да—знать—не хватило... Такъ денежки, значитъ, и проѣхали....

Ну-съ, это—первое, а вотъ—второе; но только это было не у насъ, а въ другомъ кварталѣ.

VIII.

Привели, знаете, туда изъ части старовѣра. для удостовѣренія въ званіи и освобожденія: пьяный, шельма, въ часть попалъ. Ну, извѣстно, старовѣръ — дѣло хорошее: деньга всегда водится...

— Ты что пьянствуешь? — гаркнулъ на него надзиратель Степанъ Андреевичъ Терчило.

— Грѣхъ попуталъ, батюшка, ваше в—бдіе: выпилъ маленько, да и повалился....

— Ну, какъ грѣхъ, такъ—бей поклоны!...

Старовѣръ не ожидалъ такой штуки — замялся, да и къ тому же какой-то ихній обрядъ запрещаетъ имъ бить поклоны, не подостлавши тамъ чего подъ лобъ....

— Ну, чтожъ?—обратился снова къ нему Степанъ Андреевичъ, не хочешь?....

Старовѣръ почесалъ затылокъ.

— А коли не хочешь, продолжалъ Степанъ

Андреевичъ, то — не выпущу, обратно въ часть спроважу за ослушаніе.

„Противъ рожна не попрешь", подумалъ старовѣръ — дѣлать нечего — повалился: махнулъ разъ, другой, третій... десятый, что-то десятка за два отмахалъ, а Степанъ Андреевичъ все себѣ сидитъ, да молчитъ. Наконецъ старовѣръ остановился....

— Что-жъ ты?... Дальше! — говоритъ Степанъ Андреевичъ.

Старовѣръ опять замахалъ и опять десятка два отрезвонилъ: потъ на лбу началъ показываться. Въ конторѣ — захихикали.

— Ничего, ничего, говоритъ Степанъ Андреевичъ, впредь пьянствовать не будешь....

Старовѣръ—дальше, краснѣть началъ. Въ конторѣ — запрыскали.

— Съ пристукомъ, съ пристукомъ, головою-то пошибче, головою!—приказывалъ Степанъ Андреевичъ.

Старовѣръ — стукнулъ разъ, другой, третій... потъ градомъ покатился. Въ конторѣ: го-го-го-го!!!...

— Нѣтъ ужъ, воля ваша, говоритъ, остановившись, что хотите дѣлайте, а больше не въ моготу!...

— А пьянствовать такъ въ моготу?... Такъ ты, значитъ, дальше не хочешь?... Такъ отпишите его въ часть, для употребленія въ работу за ослушаніе, — заговорилъ Степанъ Андреевичъ, обращаясь къ письмоводителю...

Старовѣръ взмолился:

— Сдѣлайте милость, ваше в—бдіе!...

— Клади поклоны — сдѣлаю.

Смекнулъ нашъ старовѣръ въ чемъ дѣло....

— Нѣтъ, ужъ, ваше в—бдіе, нельзя-ли хошъ на вашей половинѣ.... хошъ не при всѣхъ.... смѣются....

— Ну, поди, пожалуй, и туда....

Степанъ Андреевичъ повелъ старовѣра въ кабинетъ. Минуты чрезъ три вышли въ контору обратно.

— Чортъ съ нимъ, выпустите! — заговорилъ Степанъ Андреевичъ.... Ха!....

Ну и выпустили.

VII.

СУДЕЙСКІЕ ЕРШИ.

Въ одной изъ нашихъ палатъ гражданскаго суда производилось нѣкогда дѣло объ утвержденіи духовнаго завѣщанія, оставшагося послѣ смерти богатаго помѣщика Туши. Сущность дѣла была слѣдующая: Туша, умирая, оставилъ послѣ себя двухъ наслѣдниковъ: вдову свою и усыновленнаго имъ пріемыша, нѣкоего господина Ухарева, получившаго оттого двухъ-именную фамилію — Ухаревъ-Туша. Послѣ смерти Туши найдено домашнее духовное завѣщаніе, составленное имъ еще за нѣсколько лѣтъ до смерти, по которому онъ все движимое и недвижимое имѣніе свое завѣщевалъ въ пожизненное владѣніе женѣ, предоставляя пользованіе имѣніемъ этимъ пріемышу уже послѣ смерти послѣдней;—но въ самый день смерти старика Туши явилось другое духовное завѣщаніе, подкрѣпленное законными формальностями, въ силу котораго, имѣніе покойнаго, поступило въ полное и потомственное владѣніе пріемыша, а вдовѣ—выдѣлялась только седьмая законная часть съ не-

большою прибавкою движимаго имущества и денежнаго капитала. Само-собою разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ дѣла, о миролюбномъ соглашеніи наслѣдниковъ и толковать было нечего: оба, какъ водится, взбѣленились; вдова—обвиняла пріемыша въ подлогѣ и другихъ продѣлкахъ, этотъ—защищался и доказывалъ права свои; ябеда за ябедою такъ и посыпались. Нарядили, разумѣется, по этому случаю слѣдствіе, произвели его и представили на разсмотрѣніе и рѣшеніе въ палату гражданскаго суда.

По поступленіи въ палату — дѣло это, какъ водится, было принято, распечатано и вручено г. Шельмину, служившему въ то время тамъ секретаремъ, для доклада присутствію. „Куда какъ увѣсисто: знать много соку!... славные ерши!...“ сказалъ Шельминъ, взявши дѣло въ руки и перебирая его; „тутъ — понатужиться только, продолжалъ онъ, такъ такую музыку можно развести, что просто свѣто-представленіе выйдетъ!... знаю я эти дѣла, гдѣ сошлось на смертное побоище два духовныхъ завѣщанія—знаю, чѣмъ они пахнутъ, особенно, когда именьице полмилліончика стоитъ!... Надо поэтому разсмотрѣть дѣло и сообразить обстоятельства его съ законами и другими условіями — повнимательнѣе!...

Кончивъ этотъ монологъ, Шельминъ взялъ дѣло, вложилъ его въ портфель и, по выходѣ изъ присутствія, стащилъ къ себѣ домой, для предвари-

тельнаго, какъ самъ выражался, просмотра... Что думалъ Шельминъ, разсматривая дѣло и соображая всѣ обстоятельства, —объ этомъ исторія умалчиваетъ. только плодомъ соображеній его вышло слѣдующее:

Черезъ нѣсколько дней, утромъ—когда Шельминъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ къ себѣ кого-либо изъ ходатаевъ по этому дѣлу—вдругъ входитъ къ нему какой-то господинъ среднихъ лѣтъ, видной наружности и рекомендуется, что онъ Ухаревъ-Туша — пріемышъ умершаго помѣщика Туши и пріѣхалъ собственно къ нему съ убѣдительнѣйшею просьбою — помочь ему въ дѣлѣ, которое, вѣроятно, г. Шельмину, какъ секретарю, очень хорошо извѣстно;—при чемъ Ухаревъ вкрадчиво предупредилъ, что онъ первымъ и самымъ пріятнѣйшимъ для себя долгомъ всегда считаетъ благодарить людей трудящихся, особенно такихъ всемогущихъ, какъ Шельминъ, предъ которымъ все преклоняется и проч. и проч.... Шельминъ, покуда гость разсыпался въ изъявленіяхъ своей благодарности людямъ трудящимся, — стоялъ молча и только помѣривалъ его глазами съ ногъ до головы, какъ-бы соображая обстоятельства дѣла съ личностію, которую предъ собою видѣлъ. Ухаревъ — остановился. Шельминъ — попросилъ его присѣсть. Сѣли — начались переговоры:

— Объяснять вамъ дѣло, сказалъ Ухаревъ, съ моей стороны будетъ совершенно лишнимъ: вы

лучше моего его знаете... Скажите мнѣ лучше напрямикъ, откровенно—чего оно будетъ стоить, то есть, сколько вы возьмете съ меня за то, чтобъ направить его въ мою пользу?... Я не торгашъ — люблю благородную сдѣлку, уважаю честное слово!...

Такой вопросъ, по-видимому, озадачилъ Шельмина: онъ притворился о чемъ-то размышлявшимъ, потупилъ глаза въ землю и ничего не отвѣчалъ. Ухаревъ повторилъ вопросъ.

— Ничего не возьму!... потому что ничего для васъ нельзя сдѣлать, отвѣчалъ Шельминъ, пристально вдругъ посмотрѣвъ на Ухарева, а самъ, междутѣмъ, думалъ: „да!... какъ-бы не такъ!... чорта съ два!... дай мнѣ тебя прежде хорошенько обнюхать— что ты за гусь; да холоду побольше нагнать, а потомъ и поторгуемся, останешься, голубчикъ, доволенъ, небось!...“

— Да почему же, — скажите, — нельзя ничего сдѣлать? возразилъ Ухаревъ, вѣдь вы сами видѣли, что духовное завѣщаніе, составленное въ мою пользу, ясно и чисто, какъ Божій день: законныя формы соблюдены, упущеній — никакихъ, такъ....

— Позвольте, перебилъ его Шельминъ, раскрывая лежавшее на столѣ дѣло, все читалъ и все знаю.... что вы говорите — все это прекрасно; но что вы скажете противъ того, что всѣ обстоятельства дѣла, по произведенному слѣдствію, обвиняютъ васъ въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія, того самаго, о которомъ вы упомянули?... Что

скажете вы, напримѣръ, вотъ хоть противъ этихъ двухъ присяжныхъ показаній (Шельминъ указалъ на листы въ дѣлѣ), о томъ, что вы послѣ смерти вашего батюшки ѣздили за священникомъ для подписи имъ духовнаго завѣщанія?... А вотъ смотрите и другія ваши проказы: подкупъ свидѣтелей, удаленіе вдовы покойнаго въ нижній этажъ въ минуту смерти завѣщателя.... читайте!... читайте!... Что вы противъ этого скажете?... Что вы, наконецъ, скажете противъ того, что всякое духовное завѣщаніе должно быть, по закону, скрѣплено завѣщателемъ по листамъ, а тутъ, глядите—вотъ этотъ!... (Шельминъ указалъ на листъ) анъ подписи-то и нѣтъ!... Ну-съ, такъ скажите, пожалуйста, что я послѣ всего этого могу для васъ сдѣлать?...

Ухаревъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ хорошимъ генераломъ,—стало-быть, битва неровная,—потому онъ на всѣ вопросы Шельмина только смолчалъ краснорѣчиво, вполнѣ, можетъ быть, сознавая въ душѣ всю неправоту своего дѣла. Наступило небольшое молчаніе; Ухаревъ первый прервалъ его.

— Знаете, что я вамъ скажу? началъ Ухаревъ, я самъ служилъ и знаю службу, знаю и то, что изъ бѣлаго можно сдѣлать черное, а изъ чернаго—бѣлое, особенно при такихъ средствахъ, какими владѣю я; вы всемогущій человѣкъ — это всѣ знаютъ: для васъ и невозможное, если ужъ допустить это въ моемъ дѣлѣ, будетъ возможнымъ; напрасно же вы послѣ этого отказываетесь и ближнему по-

собить и себѣ добро сдѣлать.... Но если вы ужъ такъ необязательны, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья, что не хотите принять участія въ моемъ дѣлѣ, то дѣлать нечего, надо будетъ искать другихъ способовъ, хоть и дороже станетъ.... а хотите — надѣюсь, останетесь мною довольны: скажите только слово — сколько стоитъ и деньги въ вашемъ карманѣ!...

„Ладно-жъ, батенька, думалъ между-тѣмъ Шельминъ, я тебя оборву!...“

— Дѣлать нечего—надо согласиться, проговорилъ онъ, волей-неволей, а нужно помочь вамъ!... вы такое живое участіе принимаете въ своемъ дѣлѣ!... Вы говорите, чтобъ я сказалъ напрямикъ?... Такъ вотъ вамъ: пять тысячь и — дѣло ваше выиграно!...

— И прекрасно! сказалъ Ухаревъ, давно-бы такъ!... умныя рѣчи — пріятно и слушать.... Ну-съ, такъ мнѣ теперь ничего больше не остается и дѣлать, продолжалъ, какъ только благодарить васъ, ждать и надѣяться!...

— Будьте покойны, завѣрилъ его Шельминъ.

Ухаревъ вынулъ изъ кармана пять пачекъ радужныхъ, положилъ на столъ, раскланялся любезно съ Шельминымъ, при обоюдныхъ, разумѣется, увѣреніяхъ въ расположеніи, и—ушелъ.

„Сдѣлать-то я сдѣлаю, говоритъ самъ съ собою Шельминъ, пряча пачки радужныхъ въ бюро и собираясь на службу, да что-то дальше будетъ?...“

Дня черезъ три, или четыре послѣ этого, явилась къ Шельмину новая просительница — вдова покойнаго Туши, женщина дородная, пожилыхъ лѣтъ, стараго покрою. Едва на порогъ—прямо въ слезы, заахала, заохала: обидѣли, молъ, ее, ограбили, хотѣла объяснить дѣло, но ровно ничего не объяснила и, не долго думая, бухъ къ Шельмину съ челобитною, помочь ей въ этомъ несчастномъ, какъ называла, дѣлѣ. Шельминъ съ стоическимъ хладнокровіемъ выслушалъ все это, усадилъ старушку въ кресла и началъ ей толковать.

— Законъ, сударыня, для всѣхъ одинъ — противъ него не пойдешь, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—видите-ли, какъ смотрю я на ваше дѣло и какъ, безъ сомнѣнія, будетъ смотрѣть на него и все присутствіе: не отвергаю того, что домашнее духовное завѣщаніе, оставленное покойнымъ мужемъ вашимъ—въ вашу пользу—существовало и выражало полную волю завѣщателя, но возьмите во вниманіе, что другое, составленное въ пользу пріемыша вашего, имѣетъ предъ нимъ большое преимущество; во-первыхъ, потому, что оно облечено въ законныя формы, а ваше — нѣтъ, во-вторыхъ, потому, что хотя вы и предъявили противъ него споръ, но этого ничѣмъ не подтвердили и произведеннымъ слѣдствіемъ юридическихъ доказательствъ въ подложности его не обнаружено, — стало-быть, ваше завѣщаніе предъ этимъ не имѣетъ, въ лицѣ закона, ни силы, ни значенія, а потому и

дѣло ваше плохо и труды напрасны. . . . .
. . . . . .

Умолкъ. Старуха сидѣла да хныкала, а онъ себѣ нашептывалъ: „дура ты, дура, молдаванская ты тыква!... прямая ты туша!... твое-то дѣло, по совѣсти сказать, и чисто!... Что хнычешь?... Клала-бъ скорѣе десять пачекъ такихъ радужныхъ, какъ твой сынокъ, такъ я-бъ съ тобою иначе поговорилъ....“

— Знаете что? началъ снова Шельминъ, жаль мнѣ васъ, да не знаю какъ и пособить горю... ума не приберу.... надо-бъ какъ-нибудь придумать.... А кстати сказать, у меня былъ вашъ противникъ— пять тысячъ давалъ чистаганомъ, чтобъ только вамъ отказали, да я невзялъ — грѣха побоялся....

— И батюшка!... да вѣдь и я не съ пустыми руками пріѣхала хлопотать, сказала старуха, воодушевясь, вѣроятно, послѣднимъ извѣстіемъ Шельмина.... и меня Господь не забылъ!... десять не пожалѣю лишь бы наказать неблагодарнаго этого.... на старости лѣтъ вздумалъ бездѣльникъ меня по міру пустить!... Нѣтъ — не бывать этому!... все просужу, а на своемъ поставлю!... всего мерзавца лишу.... со двора выгоню!... и пошла катать и неприведи Господи чего наговорила!... Вечеромъ же присылаю вамъ десять тысячъ, продолжала Туша, только ужъ пожалуста постарайтесь, чтобы дѣло мое было выиграно!...

„Насилу-то!“ подумалъ Шельминъ и. помолчавъ немного, сказалъ:

— Ну, если ужъ такъ, то будьте покойны!... дѣло ваше будетъ выиграно — за успѣхъ ручаюсь вамъ головой!...

Прошло нѣсколько минутъ — барыня встала, раскланялась и ушла, обѣщаясь вечеромъ прислать посулу.

„И для тебя сдѣлаю, душа моя, коли исполнишь обѣщанное, проговорилъ Шельминъ, расхаживая по комнатѣ и самодовольно улыбаясь: видно было, что какая-то лукавая мысль созрѣвала въ головѣ его.

Вечеромъ Шельминъ получилъ отъ посланнаго вдовы Туши ящичекъ съ десятью тысячами и принялся готовить къ докладу дѣло.

Прошла послѣ этого недѣля — другая, можетъ быть, третья и четвертая, дѣло докладывалось, рѣшалось, — словомъ ходило по всѣмъ канцелярскимъ мытарствамъ и составляло его тайну. Все было тихо... Наконецъ рѣшеніе пошло въ ходъ и объявлено тяжущимся апелляціоннымъ порядкомъ. Гроза разражалась — Шельминъ ждалъ ее...

— Что вы со мною сдѣлали, безбожный вы? прохрипѣла со слезами на глазахъ, вдова Туша, вваливаясь по рѣшеніи дѣла въ квартиру Шельмина, — и деньги взяли, и мнѣ ничего не сдѣлали: отказали на отрѣзъ да и все тутъ, дали врагу моему нарадоваться! Бога вы не боитесь! и проч. и проч., а сама такъ и заливалась слезами.

Шельминъ молчалъ и съ непоколебимымъ хлад-

нокровіемъ слушалъ эти упреки; но когда замѣтилъ, что старуха, мало-по-малу, стала разражаться, подойдя къ ней поближе, сказалъ:

— Прежде всего прошу васъ — сударыня — успокоиться, а потомъ станемъ говорить толкомъ: во многоглаголаніи — сами знаете — нѣтъ спасенія; я сказалъ вамъ прежде, что дѣло ваше будетъ выиграно и ручался въ томъ своей головой, такъ и теперь повторяю тоже; не печальтесь тѣмъ, что Палата вамъ отказала — это былъ нашъ разсчетъ; повѣрьте мнѣ — врагъ вашъ, какъ вы его называете, недолго нарадуется: не успѣютъ еще сдѣлать и ввода во владѣніе, какъ все имѣніе уже будетъ въ рукахъ вашихъ.... Какимъ образомъ — хотите вы знать — это сдѣлается?... А вотъ какимъ: вотъ вамъ готовая совсѣмъ аппелляціонная жалоба на рѣшеніе Палаты, въ которой всѣ пункты этого рѣшенія — совершенно опровергнуты, юридически доказана подложность духовнаго завѣщанія, представленнаго вашимъ пріемышемъ и съ положительною точностію опредѣлены права ваши на наслѣдство!.. Возьмите и—подавайте куда тутъ написано!... Неразъ еще спасибо мнѣ скажете!...

И дѣйствительно!.. Не успѣла еще Земская полиція распорядиться вводомъ во владѣніе имѣніемъ пріемыша Ухарева-Тушу, какъ вновь объявляли уже и ему и вдовѣ Тушѣ рѣшеніе высшей инстанціи судебнаго мѣста, по которому послѣдняя

дѣлалась полною владѣтельницею по жизнь всѣмъ имѣніемъ покойнаго мужа своего, разница была только въ томъ, что рѣшеніе это объявлено тяжущимся, какъ вошедшее уже въ окончательную законную силу.

Правду — выходитъ — сказалъ Шельминъ и Ухареву и вдовѣ Тушѣ: „и вамъ сдѣлаю, и вамъ сдѣлаю!“

VIII.

КАПИТАЛЪ СЪ ПРОЦЕНТАМИ.

(Разсказъ отставнаго секретаря).

Много лѣтъ тому назадъ служилъ я, батенька мой, какъ вамъ и самимъ, можетъ быть, извѣстно, въ городѣ М.... секретаремъ тамошняго уголовнаго суда, гдѣ, вмѣстѣ со мною, состояли также на службѣ: судьею титулярный совѣтникъ Чернолюбовъ, а засѣдателями, какъ теперь помнится, Чурбановъ и Мочалкинъ, коллежскіе секретари, люди почтенные—свое дѣло знали. Вотъ жили мы и служили — что называется душа въ душу, мирно, безмятежно, точно братья кровные: что брали, то дѣлили всегда по-божески, никто никого не обижалъ, никто ни на кого не жаловался. Такъ протекло времени нашего житія и служенія лѣтъ пятнадцать. Судья—домишко нажилъ, засѣдатели—по нѣсколько тысченокъ сколотили и я грѣшный въ накладѣ не остался. И все у насъ дѣлывалось честно, на прямоту, не то, что у другихъ натяжки тамъ да прижимки разныя, у насъ—просто: вызы-

ваемъ, бывало, подсудимаго въ судъ, въ присутствіе, договоримся въ цѣнѣ, то есть объявимъ ему, сколько дѣло стоитъ—и конецъ; тамъ онъ себѣ какъ хочешь поворачивайся, хоть роди, а мы себѣ и знать ничего не знаемъ: хочешь, говоримъ, любишь; не хочешь—какъ хочешь;—словомъ, честно и по совѣсти творились у насъ дѣла, какъ слѣдуетъ, и всѣ довольны были.... Чего-бы, кажись, лучше?... Такъ нѣтъ; ужъ такъ смѣшно созданъ человѣкъ Божій: какъ ты его ни корми и ни пой сладко, а ему все слаще хочется: вздумалось и намъ нововведеніе ввести, чтобы показать, что и мы что-нибудь да значимъ: видите-ли — кромѣ капитала, проценты вздумалось требовать отъ подсудимыхъ; ну, что-жъ тутъ дурнаго?... Ужъ коли человѣкъ капиталъ вноситъ, такъ проценты и законъ велитъ, оно и законно,—анъ не тутъ-то было, дѣло-то вышло совсѣмъ иначе, скверно-прескверно.... оборвались, батенька мой, такъ, что и до сихъ поръ не придемъ въ память.... и наскочили-жъ на шельму—нечего сказать; на другаго—такъ ничего, обошлось-бы, какъ по маслу-бъ пошло, а тутъ, чортъ-ли вмѣшался, или ужъ такъ грѣхъ попуталъ, только вышло скверно.... Дѣло, видите-ли, заключалось вотъ въ чемъ: въ то время, о которомъ я вамъ сказываю, судился у насъ, между прочими, одинъ мѣщанинишка—воръ-надувало девяносто шестой пробы,—за залогъ фальшиваго полотна. Вотъ какую штуку, какъ по дѣлу-то значилось, отмочилъ,

шельма: принесъ въ компанію нѣсколько кусковъ голландскаго полотна; тамъ, конечно, посмотрѣли— видятъ полотно, какъ есть полотно, ну и взяли. выдали молодцу деньги, этотъ получилъ да и былъ таковъ; прошелъ срокъ залогу—за выкупомъ никто не является; пропло два-три льготныхъ мѣсяца — тоже; полотно, разумѣется, поступило въ продажу;— но при продажѣ. чтожъ-бы вы думали, оказалось?— картонная тонкая бумага, а полотна только и всего, что пласта по два, или по три на каждомъ кускѣ и такъ искусно поддѣланы края-то, что въ штукѣ, не развернувши, ни за что не узнать правды. Ужъ не помню хорошенько, какими путями и гдѣ словили мошенника, только - словили; улика была на лицо: поличное, то есть билетъ на залогъ, нашли при немъ, два человѣка подъ присягою показали, что именно онъ закладывалъ полотно,-- стало-быть, тутъ и толковать было нечего; молодца засадили въ тюрьму, а дѣло произвели и представили къ намъ, въ уголовный судъ, на рѣшеніе;—значитъ, поэтому, молодецъ и числился за нами содержаніемъ, точно чортъ его въ то время подсунулъ....

Первымъ дѣломъ моимъ, какъ секретаря, сами знаете, было — вызвать арестанта въ судъ для передопросовъ, то есть опросить его—подтверждаетъ-ли онъ данныя при слѣдствіи показанія, ну, и для того, о чемъ уже вамъ докладывалъ. А кстати вамъ замѣтить, сударь, вызовы эти много способствовали успѣшному ходу дѣлъ: иной разъ попадется и хо-

рошій человѣкъ—кучу денегъ валитъ, только освободи отъ суда, а по слѣдствію, хоть караулъ кричи, нельзя: либо собственное сознаніе есть, либо присяжныя показанія, либо другія какія улики — значитъ, живьемъ рѣжь человѣка.... ну, такъ мы и вызовемъ его, бывало, въ судъ, да и научимъ, чтобъ отперся отъ показаній, данныхъ при слѣдствіи, и объявилъ, что ему при производствѣ слѣдствія дѣлано было пристрастіе, или что-либо въ этомъ родѣ, глядя по обстоятельствамъ; сейчасъ-же, конечно, журналъ: дѣйствія слѣдователя на обсужденіе его начальства, а хорошаго человѣка, по неимѣнію уликъ, отъ суда освобождаемъ, прибавимъ только словцо: „юридическихъ“, то есть уликъ, оно, знаете, крѣпче, да и придраться къ нему трудно.... Однако не въ томъ, батенька мой, дѣло. Написали это мы отношеніе смотрителю тюрьмы—привезли молодца; ввели въ присутствіе; дверь на щеколду; сторожа—тоже дѣло свое знали: ужъ въ это время никого ни изъ просителей, ни изъ канцелярской братіи къ намъ не допускали—увѣщаніе, молъ, священническое идетъ надъ арестантомъ и баста; тѣ, разумѣется, и не перечили, всегда дожидались; конвойный солдатъ также не входилъ въ присутствіе, за дверями стоялъ.... ну-съ, такъ ввели молодца.... Судья, какъ водится, по порядку, и говоритъ ему: „А, что, братецъ, говоритъ, попался!... вѣдь дѣло твое плохо.... хворостомъ, говоритъ, пахнетъ.... да и сибирки не минуешь“. Нашъ парень замялся.

„Коли хочешь, говоритъ ему опять судья, миновать бѣды, такъ клади сто рублей: черезъ недѣлю и гуляй на всѣ четыре стороны....“ Молодецъ, видно, былъ парень бывалый, зналъ свое дѣло, не въ первый разъ, знать, въ клещахъ сидѣлъ. „Ста, говоритъ, у меня ваше в—бдіе не найдется, а вотъ сорокъ—возьмите.... матушка, спасибо, догадалась.... какъ привезли сюда, въ передней въ руку сунула....“ Нѣтъ, думаемъ себѣ, братъ, стары штуки; сказано—такъ и свято, торгъ—есть, переторжки—не полагается. „Мало, мало, говоримъ ему,—за это и толковать съ тобою нечего, ужъ лучше, братъ, не артачься, говоримъ, донеси—оно, знаешь, съ разу и перетянетъ“. Видитъ нашъ парень, что не на тѣхъ наскочилъ; какъ ни вертѣлся, какъ ни жался, а все-таки согласился донести шестьдесятъ рублей... Ну, вотъ, что дѣло—то дѣло, умныя рѣчи—пріятно и слушать.... Сорокъ—мы взяли, тутъ же подѣлили: судья двадцать взялъ, на насъ троихъ по шести рублей съ копѣйками досталось; молодца—обратно въ тюрьму спровадили впредь до уплаты по обязательству и — сидимъ себѣ спокойно, дожидаемся....

Прошла послѣ этого недѣля, другая — никого нѣтъ, никто не является. Наконецъ мать нашего молодца приноситъ остальные шестьдесятъ рублей. Дѣло. Ну, думаемъ себѣ, капиталъ полученъ—проценты только остались. Вотъ и сидимъ мы все-таки, дѣло не рѣшаемъ, моримъ парня въ тюрьмѣ: скорѣе, думаемъ сдастся, коли дольше просидитъ,

намъ торопиться нечего.... Ждалъ нашъ парень, ждалъ—изъ суда ему ни гу-гу.... Не вытерпѣлъ—да къ намъ съ просьбою о разрѣшеніи ему прибыть въ судъ и добавить по своему дѣлу то и то.... Ага, думаемъ, не въ терпежку, знать, братъ, пришлось.... Мы, разумѣется, ни слова—разрѣшили, дали предписаніе смотрителю тюрьмы — привезли опять молодца въ судъ.... Что-жъ вы, думаете, батенька, чѣмъ отплатилъ, подлецъ, за всѣ наши благодѣянія?... Когда ввели-то его въ присутствіе, судья и говоритъ ему: „Ну, что скажешь, братецъ?“ Оно, сами видите, и вѣжливо. „Да что сказать, говоритъ, ваше благородіе? Сами, кажись, знаете.... деньги сполна по уговору получили, такъ, сталобыть, и выпустить слѣдуетъ.... почто-жъ вы меня и на самомъ дѣлѣ не ослобоняете?...“ А у самого, шельмы, глазищи такъ и забѣгали, точно у бѣшеной собаки. „Ты, братъ, потише — тутъ не питейный.... велика фря твои сто рублей, сказалъ судья, видали больше.... дѣло-то твое трудновато.... за сто нельзя взяться.... коли взнесешь еще проценты — пятьдесятъ рублей, ну, такъ и быть—чортъ съ тобой, а безъ того и говорить нечего“. Сказалъ это, знаете, да и уткнулъ рыло-то въ бумаги: журналъ, что-ли, читалъ.... А шельма-то, шельма, что думаете?... а?... Какъ судья-то сказалъ: „еще пятьдесятъ“, онъ такъ, анафема, весь и затрясся: какъ подскочитъ, да какъ хватитъ судью въ ухо—тотъ, бѣдняга, такъ и покатился: „На, говоритъ, чортъ

тебя побери, да подѣлись съ своими товарищами!“ — Это съ нами, то есть. Какова дерзость?... а?... какъ вамъ это покажется?... не варваръ-ли?...

Поднялась у насъ, батенька мой, суматоха, кто за что хватился — всѣ на разбойника кинулись, а онъ, шельма, стоитъ только у стѣнки да оплевывается. „Эй, сюда, кто тамъ! кричитъ.... связать его, анафему!... Ахъ, ты, каналья — подлецъ — мошенникъ!...“ На шумъ вбѣжали сторожа и конвойный изъ тюрьмы. „Вязать его, говоритъ, шельму, вязать!... конвойный — штыкъ къ груди анафемской!... вотъ мы тебя!... погоди, шельмецъ!... драться?... въ присутствіи предъ зерцаломъ насиліе вздумалъ творить?... Авдѣй Петровичъ—это мнѣ-то кричитъ судья — сейчасъ же журналъ о дѣйствіяхъ этого подлеца!...“ Сторожа мигомъ скрутили мошенника по рукамъ и по ногамъ и—обратно въ тюрьму, а мы тутъ же накатали журналъ, что, молъ, такой-то арестантъ, по приводѣ въ судъ для передопросовъ по дѣлу о мошенническомъ залогѣ въ громоздскія движимости полотна, при увѣщеваніи господиномъ судьею въ сознаніи своего преступленія, съ изступленіемъ бросился на присутствующихъ и хотѣлъ переколотить всѣхъ, но сего учинить не успѣлъ, бывъ удержанъ сторожами суда.... Подписали—значитъ, оградили себя на случай напасти, сидимъ и думаемъ: вотъ тебѣ и разъ!... вотъ тебѣ и проценты!... ахъ, ты разбойническая образина проклятая — какъ напакостилъ!... Но, дѣлать было

нечего: съѣли леща—назадъ не воротишь и тогда же порѣшили бросить проценты—чортъ съ ними, жить по-старому, однимъ капиталомъ и — успокоились....

Казалось-бы, и конецъ дѣлу. Такъ нѣтъ, батенька мой!... нашлась же какая-то шельма—ябеда, позавидовала счастью ближняго, да и брякъ доносъ, кому слѣдуетъ, по начальству, какъ, то есть, мы нашего-то подлеца, мѣщанинишку, въ судъ вызывали, какъ договаривались, какъ судья Чернолобовъ леща съѣлъ и прочее такое — все до тла; тамъ и нарядили секретное дознаніе, по которому всю-то подноготную и узнали; наряди формальное слѣдствіе — оно-бы ничего, съумѣли-бы отыграться, а то чортъ кого-то надоумилъ—секретное, ну и вышло секретно: насъ всѣхъ, меня то есть, судью и засѣдателей, безъ дальнихъ разговоровъ, велѣно было тогда же удалить отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять и затѣмъ, какъ людей неблагонадежнаго поведенія.... скажите на милость, есть-ли тутъ хоть тѣнь правды—неблагонадежнаго?!—выслать на мѣста родины, съ воспрещеніемъ обратнаго въѣзда въ городъ и съ отдачею подъ надзоръ полиціи.... Что прикажете дѣлать? Противъ рожна не попрешь.... Такъ и сдѣлали: насъ всѣхъ, батенька мой, по этапу, такъ-таки по этапу, съ конвойными и спровадили каждаго въ свое гнѣздо, а разбойника мѣщанинишку судили уже безъ насъ другіе судьи....

IX.

СУДЕЙСКІЙ ЕРШЪ И ПОЛИЦЕЙСКІЙ КАРАСЬ.

(Разсказъ чиновника).

Въ Т.... гражданской палатѣ, гдѣ я въ послѣднее время подвизался на служебномъ поприщѣ — не то столоначальникомъ, не то помощникомъ, не то канцелярскимъ, а такъ — мыкали меня изъ угла въ уголъ, точно мочалку какую — служилъ предсѣдателемъ въ мое время, хотя и въ чинѣ статскаго совѣтника, но всѣ называли его: „ваше пр — во", нѣкто Петръ Кузьмичъ Объѣзжаловъ — человѣкъ ужъ пожилыхъ лѣтъ, важной, знаете, такой наружности: шишка съ волосами на носу была у него, крестъ на шеѣ имѣлъ; ну, однимъ словомъ, предсѣдателемъ выглядѣлъ, какъ и слѣдуетъ быть; прибавьте къ этому, — что за рѣдкость у насъ случается, — туго зналъ свое дѣло — битокъ былъ; на что ужъ секретарь по дѣламъ собаку съѣлъ, такъ и того, бывало, по любому, за поясъ заткнетъ: изъ старинныхъ служакъ человѣчина, а на счетъ нащей бра-

тіи—и говоритъ ужъ нечего.... Ну, да и бралъ же важно: не спакоститъ бывало; коли запуститъ лапу, такъ запуститъ; бьетъ, такъ бьетъ до покаянія!... Да, батенька мой, шутить не любилъ....

Ну-съ, такъ въ то время, о которомъ я вамъ сказываю, племянникъ нашего-то, Петра Кузьмича, завелъ тяжбу съ тамошнимъ купцомъ Огуречкинымъ о лѣсной дачѣ. Одинъ говоритъ: „моя“, а другой: „нѣтъ, врешь, моя!“... ну и пошла катать. Сцѣпились пріятели. Загорѣлось дѣло. Таскали, таскали, наконецъ представили въ палату на рѣшеніе....

Племянникъ нашего-то разсчитывалъ на дядю, а Огуречкинъ—на свой карманъ: партія, выходитъ, сведена была почти ровная, а нужно вамъ сказать, что дачка тысченокъ сто стоила... Жаль было дядѣ и племянника: свой своему по неволѣ другъ; жаль было ему разстаться и съ мошною Огуречкина — достаточный купецъ былъ: лавчонку и домъ свой въ городѣ имѣлъ.... Какъ-же тутъ, думаетъ себѣ, быть?... Какъ ухитриться?... Потребовалъ къ себѣ дѣло, прочиталъ.... думалъ, думалъ, да и придумалъ.... А что?— сейчасъ разскажу по порядку....

Пришелъ, знаете, сперва къ дядѣ племянникъ и давай кляньчить по дѣлу... А по дѣлу-то бабушка на двое ворожила: больше правды было на сторонѣ Огуречкина. Но дѣлать было нечего; дядюшка выслушалъ племянника и далъ ему слово порѣшить дѣло въ его пользу; тотъ и ушелъ... Явил-

ся, спустя нѣсколько времени, къ Объѣзжалову и Огуречкинъ. Объѣзжаловъ выслушалъ и этого... Только знай, говоритъ ему, что меньше двадцати тысячь дача тебѣ не обойдется.... понимаешь?“ Дѣло понятное—вываливай—значитъ. Зачесалось у Огуречкина въ затылкѣ; онъ, было, къ нему: „больно ужъ тово.... много, ваше пр—во.... нельзя-ли на половинку, говоритъ.... всего-то капиталу болѣ не наберется.... дѣла плохи, ваше пр-во“.... „Къ кому ты пришелъ? — какъ прикрикнетъ на него, это нашъ-то, ахъ ты скотина эдакая!... торговаться?... со мною?... Что я, лавочникъ тебѣ какой дался, говоритъ, что-ли?... Вонъ, свинья!... Не смѣй впередъ и рыла ко мнѣ показывать!“... Огуречкинъ такъ и одурѣлъ.... Видитъ — дѣло плохо: разогорчилъ, думаетъ себѣ, его пр—во, чего добраго, пожалуй, дѣльце и со всѣмъ лопнетъ и, недолго думая, бухъ въ ноги его пр—ву и давай отмахивать всенижайшее; одинъ — машетъ, а другой пудритъ: „какъ ты смѣлъ, да какъ ты могъ со мною торговаться — неуваженіе высказывать?... Вонъ, свинья, да вонъ, свинья!“...

Однако, дѣло у нихъ, мало-по-малу, затихло.... Огуречкинъ тутъ-же отсчиталъ его пр—ву десять тысячь, а остальныя обѣщался принести дней черезъ пять.... Заложилъ домъ и—принесъ.

Объѣзжаловъ — взялъ....

Пошло дѣло въ ходъ: наша братія только знай—пиши, да переписывай... Наконецъ подписали опре-

дѣленіе, пропустилъ прокуроръ, объявили тяжущимся: племяннику—отказъ, Огуречкинъ—въ выигрышѣ.... Да-съ!... Племянникъ кинулся было тутъ къ дядѣ что-то говорить, но дядя грозно прикрикнулъ на него: „молчать! говоритъ, законъ для меня выше всего.... можешь жаловаться, если находишь рѣшеніе неправильнымъ, а закону я не судья.... (тихо) ступай ко мнѣ и—жди дома....

Племянникъ ушелъ. Пришелъ и дядя домой, по выходѣ изъ присутствія.... „Чтожъ вы, дядюшка, шутите со мною, что-ли?... заговорилъ племянникъ; я на васъ надѣялся, какъ на каменную стѣну, а вы что?... послѣдняго достоянія меня лишили?“... „Да ничего, говоритъ дядя; надѣялся — такъ хорошо и сдѣлалъ, такъ и слѣдовало.... Эхъ, вы, господа, говоритъ, молодо, да зелено.... учиться-бы вамъ, да учиться уму-разуму.... послужили-бъ съ наше, такъ поопытнѣе были-бы и въ законахъ и въ дѣлахъ и въ соображеніяхъ.... Какъ ты думаешь, что было-бы, еслибъ Огуречкину отказали?... а?“..—„Извѣстно, что, говоритъ племянникъ, мое-бъ дѣло было выиграно, стало-быть и моя была-бы дача“....—„Вотъ то-то и есть, что не такъ! шаркнулъ дядя:—тогда-бы ты совсѣмъ проигралъ и дѣло и дачу.... знаешь пословицу: съ сильнымъ не борись, а съ богатымъ не судись?... Видишь-ли, какой разсчетъ, говоритъ, у меня былъ, при рѣшеніи дѣла въ пользу Огуречкина: Огуречкинъ до этого имѣлъ средства; въ рукахъ у него было

двадцать тысячъ, а у тебя что? — шишь въ карманѣ, и только... Такъ онъ задавилъ-бы тебя окончательно, если-бъ дѣло рѣшилось на твою сторону: взялъ-бы на апелляцію, подмазалъ-бы тамъ кого слѣдовало, ну и выигралъ-бы.... съ деньгами все можно.... Тогда-бы ни мнѣ ни тебѣ ничего не досталось... А теперь такъ совсѣмъ другое: у Огуречкина самого въ карманѣ мыши бѣгаютъ: всѣ денежки-то, какія у него были, я всѣ взялъ дочиста, чрезъ меня онъ и домъ заложилъ, — стало-быть, теперь у него ни капитала, ни закладывать нечего: взяться, значитъ, за дѣло впереди и не съ чѣмъ, да и я то въ сторонѣ.... для него все сдѣлалъ.... А чтобъ ты яснѣе понялъ, въ чемъ дѣло, такъ вотъ тебѣ, братецъ мой, десять тысячъ, изъ полученныхъ мною отъ Огуречкина,—правь теперь дѣломъ, куда хочешь: бери на апелляцію, поѣзжай, хлопочи, дай, кому слѣдовать будетъ.... на десять тысячъ многое можно понадѣлать и — какъ дважды два четыре—дача твоя: лазейка для тебя въ дѣлѣ есть, Огуречкину крылья обрублены, дальше не полетитъ, а въ деньгахъ послѣ сочтемся.... Понялъ теперь?... На.... и маршъ!...

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Племянникъ поѣхалъ, пріѣхалъ и—привезъ съ собою дачу, а купецъ Огуречкинъ только ахнулъ; чуть кондрашка, бѣднягу не хватилъ, когда полиція объявила ему рѣшеніе высшей инстанціи судебнаго мѣста, объ отмѣнѣ опредѣленія палаты о принадлежности ему лѣсной дачи....

Дальше ужъ—ничего не было, только племянникъ, нашего-то, Петра Кузьмича, частенько посмѣивался, разсказывая исторію, какъ дядюшка его угостилъ купца Огуречкина его же ершами.

А вотъ вамъ, батенька мой, еще случай; тотъ же Савка, да въ другихъ санкахъ. Это было уже, когда я вышелъ въ отставку и служилъ, то есть, частно занимался по полиціи въ томъ-же городѣ. Былъ у насъ въ то время частный приставъ — Иваномъ Ивановичемъ Хапинскимъ прозывался — ухарь, а не человѣкъ былъ, мастакъ, что называется, на всѣ руки: и въ мутной и въ чистой водѣ одинаково ловилъ рыбку, паче всего любилъ карасей. Такъ, бывало, самъ выражался, когда случалось содрать съ кого поважнѣе кушъ....

Вотъ, одинъ разъ — это было, какъ теперь помню, о масляницѣ—приходитъ къ нашему Ивану Ивановичу нѣмецъ ювелиръ, брилліантовыхъ дѣлъ мастеръ, то-есть, и жалуется, что у него одна мадамъ, — просто дѣвка, только непростая какая, а та, что съ господами, да богатыми купцами возжается,—взяла на прокатъ брилліантовое ожерелье, тысячи двѣ стоило, — на балъ куда-то ѣхала, что-ли — закладу не положила, а тамъ кто-то за нее поручился.... ну-съ, а дня черезъ два доставила обратно, только то, да не то: форма, видите-ли, одна, а матеріалъ—другой, изъ французской стразы,

кажись, сдѣлано было. Иванъ Ивановичъ выслушалъ нѣмца, взялъ съ него на первый разъ красненькую и обѣщалъ оказать свое содѣйствіе къ розысканію подмѣненнаго ожерелья, мѣрами полиціи.

Бросились, нашли мадамъ — привели въ часть; тутъ же ее за бока.

— „Ты, спрашиваетъ Иванъ Ивановичъ, брала у такого-то ожерелье брилліантовое?".. „Брала, говоритъ, и возвратила".... „Да то-ли, которое брала?..." „То самое, говоритъ, другаго у меня не было".... „Нѣтъ, врешь, было: ты подмѣнила— фальшивое ювелиру, а брилліантовое оставила у себя".... Мадамъ и то и се, всѣхъ святыхъ собрала, заклялась, забожилась, что она, какое взяла ожерелье у ювелира, то и отдала".... Нѣтъ, мать моя, говоритъ Иванъ Ивановичъ, хоть божись—не божись, а этимъ насъ не объѣдешь, сами съ усами; знаемъ мы васъ.... вы на словахъ: „знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю", на дѣлѣ совсѣмъ другое.... Подъ арестъ ее, впредь до обслѣдованія дѣла!"...

Посадили мадаму подъ арестъ....

Иванъ Ивановичъ — ту-жъ минуту къ ней на квартиру, для сдѣланія наружнаго обыска въ имуществѣ ея, не окажется-ли, дескать, утаеннаго, или чего либо подозрительнаго (*). Пріѣхалъ. Рыл-

---

(*) Въ старыя времена ходячая фраза у полицейскихъ на словахъ и бумагѣ.

ся, рылся—всѣ требухи мадамины перетормошилъ, а ожерелья все-таки нѣтъ.... Только полѣзъ, знаете, Иванъ Ивановичъ въ одинъ туалетный ящикъ, что сверху у зеркала бываетъ, пошарилъ, пошарилъ тамъ и зацѣпилъ охапку какихъ-то бумагъ; развернулъ—видитъ: все любовныя письма къ мадамѣ отъ разныхъ лицъ, ароматами такъ отъ нихъ и несло. „Амуры“ — подумалъ себѣ Иванъ Ивановичъ и — письма въ карманъ, послѣ, молъ, разберу.... Составилъ тутъ же на мѣстѣ актъ, что по сдѣланному въ имуществѣ такой-то мадамы обыску, ни брилліантоваго ожерелья, ни другаго чего подозрительнаго не оказалось, и уѣхалъ....

Пріѣзжаетъ домой, засѣлъ у себя въ кабинетѣ, да и давай разглядывать, что такое тамъ за письма; въ актѣ онъ ихъ не помѣстилъ, да и надобности въ томъ не было: къ дѣлу они не относились. Но Ивана Ивановича голову шевелила другая мысль: дай, думаетъ себѣ, погляжу, нельзя-ли тутъ какого карася словить.... Взялъ, знаете, одно—читаетъ, подписано: „любящій васъ Иванъ Хорьковъ....“ А-а-а, это тотъ, что журналистомъ въ магистратѣ служитъ?... Ну, знаю; не стоитъ: быка не выдоишь.... Поглядимъ-ка другое.... Взялъ другое—видитъ подпись: „К. Кулачковъ....“ И это дрянь!... по почерку знаю.... коллежскій регистраторъ.... у меня на арестантской части сидѣлъ, да за пьянство—выгналъ... А что тутъ дальше?... Взялъ остальныя, пробѣжалъ по-очередно одно, другое, третье,

четвертое, что-то за десятокъ перешаркалъ—и глаза у нашего Ивана Ивановича разбѣжались, точно у голоднаго пса на исправной кухнѣ.... „Э—ге-ге! заговорилъ ужъ тутъ Иванъ Ивановичъ, — и вы, мои пріятели, сюда затесались!... И ты, Бородкинъ — купчина ты толстопузая.... женатый ты человѣкъ.... ребятишекъ куча.... и ты сюда же?... Погоди-жъ.... лавка вѣдь у тебя знатная.... И ты Маклаковъ?... а еще недавно женился!... nota bene: домишко свой есть.... А! И ты, Мичуркинъ, папенькинъ сынокъ, особнякомъ живущій и торгующій по свидѣтельству перваго рода?... И ты тоже, Чугуновъ?... Ай-яй-яй, старая крыса.... мочалка ты негодная, почтенный человѣкъ, медаль на шеѣ!... Однако у тебя заводъ славный.... Прекрасно, мои любезные, прекрасно!... Амурами заниматься?... Гм!...“ Словомъ, батенька мой, нашъ Иванъ Ивановичъ перечиталъ всѣ письма, какія были. Благородныхъ и кто тамъ изъ знати былъ — разорвалъ: съ этими, пожалуй, только бѣды наживешь, не то, чтобъ.... а купечество отложилъ въ сторону, да на другой день спозаранку и давай таскать поочередно....

Призоветъ это, знаете, одного, объявитъ ему прежде, въ чемъ дѣло, а потомъ и письмецо покажетъ: „твоя, спроситъ, лапа?... ты писалъ?... сказывай!...“ У того борода такъ и затрясется; молчитъ, да переминается только, видитъ — что его. „Такъ ты знаешь, напустится затѣмъ на него Иванъ Ивановичъ, что кража значительная, а?... что пись-

ма доказываютъ, или соучастіе, или подозрѣніе, или укрывательство покраденнаго.... ну?... знаешь?... а кромѣ сего—блудъ.... знаешь?...“ Борода стоитъ—сама не своя: и страхъ-то его обуялъ, и совѣстно-то ему глаза поднять, въ блудѣ поймали. А Иванъ Ивановичъ посмотритъ это на него пристально, да и дальше: „что?... чего жмешься?... Небось, блудить, да съ ворами-мошенниками сообщаться умѣлъ?...“ Потомъ покажетъ видъ, что смягчился, и опять за свое: „ну, ну, ничего, не тревожься.... хочешь—съ-разу поправимъ дѣло; давай пятьсотъ, такъ и письмо—въ клочки, ты, значитъ, въ сторонѣ и будешь.... а не хочешь—на себя послѣ пеняй....“ Какъ тутъ не захотѣть: у страха глаза велики. Тотъ, конечно, и руками и ногами: „бери, батюшка, ваше в—бдіе, что хошь, только письмецо-то изорви!...“ И Иванъ Ивановичъ, въ утѣху ему, тутъ же письмо—въ куски, а денежки — себѣ въ карманъ. Съ однимъ такъ это покончитъ, примется за другаго, третьяго, четвертаго и т. д., — словомъ, всѣхъ бородъ перетаскалъ: съ кого—тысячу, съ кого—двѣ, съ кого поменьше, а съ кого—и побольше слупилъ. Такимъ образомъ съ восьми, или десяти какихъ-нибудь, батенька мой, любовныхъ писемъ, вовсе къ дѣлу не относящихся, нашъ Иванъ Ивановичъ вытянулъ чуть-ли не пятнадцать тысченокъ и зажилъ, припѣваючи. Мадаму на третій день, по неимѣнію уликъ, освободили, да и самое дѣло вскорости потомъ прикончили.

X.

СУДЕЙСКІЕ ЕРШИ.

А то въ одномъ изъ нашихъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, называемыхъ иначе судами низшей инстанціи, производилось дѣло о кражѣ у крестьянина Семена Иванова дубленаго полушубка, въ которой Ивановъ заподозрилъ одновотчиннаго съ нимъ крестьянина Ѳедора Поликарпова; но при производствѣ слѣдствія, подозрѣніе Иванова не подтвердилось и дѣйствительный воръ необнаруженъ, къ тому же: самъ Ивановъ, какъ по дѣлу значится, отъ оговора своего на Поликарпова отказался, объясняя, что онъ взвелъ подозрѣніе на сего послѣдняго по недоразумѣнію и именно потому, что въ день кражи у него полушубка Поликарповъ приходилъ въ его квартиру, но теперь никакого подозрѣнія на Поликарпова не имѣетъ и вора указать не можетъ, а потому судъ, рѣшеніемъ своимъ по этому дѣлу, Поликарпова, какъ ни въ чемъ необвиняемаго, отъ всякаго взысканія, выражаясь канцелярскимъ слогомъ, учинилъ свободнымъ; суж-

деніе же объ укравшемъ у Иванова полушубокъ— заключилъ—отложить до обнаруженія его какимъ-либо образомъ. Оставалось засимъ, по закону, объявить только рѣшеніе Иванову и Поликарпову—и дѣло зачислить конченнымъ....

Но изобрѣтательный умъ г-на Н.... столоначальника суда нашелся, и послѣ такого рѣшенія, извлечь изъ дѣла для себя поживишку. — Какъ-бы не такъ! думалъ онъ.... Зачислить дѣло конченнымъ такъ, ни съ сего ни съ того, по одному лишь смыслу закона, безъ приличнаго вознагражденія, за то, что мы пачкали бумагу—воля ваша—это не въ нашей методѣ!... Что-жъ мы тряпка какая, что-ли?... Постарше кому тутъ нечего было взять: воръ неотысканъ, подозрѣніе отведено—выходитъ, дѣло чистое, разсуждалъ г. Н...., но мы-то, мы зачѣмъ писали да переписывали? Въ окунька полиція сыграла (*). — это вѣрно, даже по дѣлу значится, продолжалъ онъ, перелистывая дѣло, такъ изъ насъ стыдно-же будетъ кому нибудь не словить ерша (**), не съ Иванова, такъ съ Поликарпова.... съ кого-нибудь да надо. Правда, Ивановъ въ дѣлѣ истецъ: у него полушубокъ украли, съ него-же и шкуру драть — неладно!... оно можно-то можно, если по-

---

(*) Техническое судейское, а больше полицейское, выраженіе—значитъ, запустить руку въ чужой карманъ.

(**) Тоже, но чисто судейское и имѣетъ двоякій смыслъ: иногда означаетъ взятку, а иногда просителя—простофилю, смотря по обстоятельствамъ.

натужиться, да не стоитъ: разъярится бестія, жаловаться станетъ, хоть и ничего не возметъ, но все-таки.... словомъ—ябеда, пустословіе; вотъ Поликарповъ другое дѣло; этого прямо обухомъ по затылку и не пикнетъ, ну, а ужъ какъ сдѣлать это — ухитримся! заключилъ онъ и тотчасъ-же написалъ вызовы Иванову и Поликарпову на явку въ судъ для выслушанія рѣшенія.

Дней чрезъ шесть послѣ этого явился Ивановъ, выслушалъ рѣшеніе и, обрадовавшись тому, что наконецъ-то дѣло это избавило его отъ таскотни по судамъ и полиціи, а болѣе убѣдясь положительно въ душѣ, что полушубокъ згинулъ и вспять къ нему не возвратится, — махнулъ рукой, подписалъ удовольствіе, и ушелъ. Но заподозрѣнный Поликарповъ, хотя и не зналъ за собою никакой вины, но какъ человѣкъ никогда не бывалый въ подобнаго рода дѣлахъ и напуганный еще раньше полицейскою веревкою и конвоемъ, угощавшимъ его аппетитными толчками, ради собственнаго развлеченія, а также похожденіями къ слѣдственному приставу, гдѣ самое дѣло было для него скрыто и темно, какъ осенняя ночь и предубѣжденный вѣрою въ способность судейской братіи дѣлать изъ бѣлаго черное,—робко вошелъ, на другой день послѣ выслушанія Ивановымъ рѣшенія, въ пріемную комнату суда и подалъ полицейскій нумерокъ, за которымъ послана изъ полиціи подписка его на явку въ судъ, чиновнику, занимаю-

щемуся по суду справками. Этотъ г. Н... Н. взялъ нумерокъ, посмотрѣлъ его и еще разъ взглянулъ въ дѣло. „Попался ершъ“, сказалъ онъ и вышелъ въ пріемную комнату, гдѣ со страхомъ и трепетомъ ожидалъ рѣшенія судьбы своей Поликарповъ. „Кто здѣсь крестьянинъ Т. губерніи, П. уѣзда, деревни Прохоровой, Ѳедоръ Поликарповъ?“ спросилъ онъ громко, особенно не обращаясь ни къ кому. „Я! батюшка, я! ваше благородіе“, отозвался, выходя изъ постоянно наводняющей пріемную суда толпы, мужичекъ Поликарповъ и выступилъ впередъ. „А-а-а!... такъ это ты, братецъ? Хорошъ гусь, нечего сказать.... славно умѣешь красть полушубки, за то и хвалу достойную получишь; хорошо.... погоди здѣсь.... сейчасъ узнаешь, чѣмъ полушубки пахнутъ: вздерутъ такъ, что своихъ не узнаешь да и отправятъ руду копать въ Сибирь, въ подземелье. Ишь ты плотоядникъ эдакой! Нѣтъ того, чтобы работать, трудиться, честно хлѣбъ добывать, такъ нѣтъ, — воровствомъ сталъ заниматься —знать, этимъ жить легче, а?...“ сказалъ г. Н., грозно взглянулъ на Поликарпова и быстро удалился въ смежный съ пріемною корридоръ, какъ-будто за надобностію, а на самомъ дѣлѣ только искусно маневрировалъ, чтобы ловчѣе, какъ самъ выражался, поймать ерша. Извѣстно, дѣло мужицкое—дѣло темное. Повѣрилъ нашъ простакъ вполнѣ словамъ лиходѣя и струхнулъ такъ, что въ глазахъ зарябило и ноги задрожали; но думать долго

было нечего. Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, онъ, съ вѣрою въ сказанное выше умѣніе приказныхъ превращать черное въ бѣлое, поплелся въ корридоръ бить челомъ г. Н.—нельзя-ли, молъ, поправить дѣло. Этотъ стоялъ тутъ и разговаривалъ что-то съ сторожемъ, а между-тѣмъ, наблюдалъ за дѣйствіемъ нанесеннаго удара. Разсчетъ былъ вѣренъ. „Батюшка! отецъ родной! ваше благородіе! завопилъ Поликарповъ, подходя къ Н. и низко кланяясь, душой и тѣломъ не виноватъ.... Вотъ-те Христосъ — полушубка у Сенюхи не кралъ!... Возьми что хошь, только не губи!... пятнадцать рубликовъ не пожалѣю....“ „Что орешь, харя немытая? перебилъ его г. Н., въ питейный что-ли прицелъ?... дорого продаешь, да дешево покупаешь; умѣлъ красть, такъ умѣй и отдѣлываться, какъ подобаетъ хорошему человѣку, игралъ такъ и отыгрывайся.... пятнадцать рубликовъ!... нѣтъ, братъ, шалишь: этимъ не отъѣдешь.... твое дѣло не пятнадцати стоитъ.... въ немъ все нужно вверхъ дномъ перевернуть: кой-что совсѣмъ вырвать, другое подмѣнить — стало, и съ письмоводителемъ слѣдственнаго надо подѣлиться, чтобъ одна рука была, нумерація въ порядкѣ и скрѣпа по листамъ.... ужъ это его дѣло.... мой только извощикъ да хлопоты по суду, а теперь-то, теперь взгляни-ко что тамъ: что листъ, что слово—ты укралъ полушубокъ да и только; ну, конечно, на томъ и судъ рѣшилъ: тебя въ Сибирку въ каторжную работу приговорилъ, да

еще прежде плетки въ три хвоста попробуешь — вотъ и пѣсня вся; а хочешь дѣло дѣлать, продолжалъ Н., такъ ставь ребромъ 50 толкачей—и Сенька будетъ въ шляпѣ.... все обдѣлаю.... ничего не будетъ.“ „Ваше благородіе! кормилецъ мой! проговорилъ умоляющимъ тономъ мужичекъ нашъ, пятидесяти рубликовъ у меня ей-Богу нѣтути, хошь убей, животы выверти—не найдешь. Во, все! продолжалъ онъ, вынимая дрожащими руками изъ-за пазухи мошну, а изъ нея—одну красненькую, двѣ синенькихъ и одну зелененькую ассигнаціи.... тутъ все, батюшка.... въ деревню послать хотѣлъ.... жена тамъ, дѣти.... бѣдность горемычная, да знать такъ Богъ судилъ.... Возьми, баринъ, только дѣло сдѣлай, не погуби на вѣки, будь милостивъ! прибавилъ онъ и подалъ деньги, съ низкимъ поклономъ, г. Н.... „Ну, нечего съ тобою, дурачина, дѣлать—мирюсь на половину! сказалъ Н., кладя деньги въ карманъ, приходи завтра—будетъ готово, обдѣлаю, да не забудь недоимки, чтобъ было ровно 25. оно и круглѣе счетъ будетъ, да и на братію же что-нибудь да надо.“ „Слушаю, батюшка, слушаю, ваше благородіе! это ужъ ни што, Кирюха землякъ пособитъ, что на сѣнной ремешками торгуетъ.... не сумлѣвайся.... будь милос.... говорилъ, спускаясь все ниже и ниже по лѣстницѣ, мужичекъ Поликарповъ—и ушелъ.

На другой день Поликарповъ явился въ судъ, выслушалъ извѣстное уже читателю рѣшеніе, по

которому онъ отъ суда устранялся и, доплативъ, разумѣется, г. Н. недоимки два рубля, остался рѣшеніемъ доволенъ.

„Славнаго ерша словилъ и ни за что и ни про что.... съ разу шлопакъ сдался, говорилъ послѣ этого Н., расхаживая по канцеляріи суда.

Товарищи улыбались.

XI.

Ну и то еще нужно сказать, сударь, что не мы одни полицейскіе да приказные пакостить умѣемъ: есть, кромѣ насъ, много другихъ дѣлателей и, коли не вѣрите, такъ разскажу вамъ еще одну исторійку — вотъ вы и увидите какія штуки они отмачиваютъ.

ВЫИГРЫШЪ ДѢЛА.

Исторія эта была такого рода: жили, знаете, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ нашемъ губернскомъ городѣ, на большой улицѣ богатую квартиру занимали, два чиновника родные братья, по фамиліи, какъ теперь запомню, Петровы. Одного звали Семеномъ, по отчеству — Ѳедоровичъ, а другаго, кажется, Ѳомой, оба парня славные—дѣловые люди. Старшій—это Семенъ Ѳедоровичъ, служилъ въ одномъ судебномъ мѣстѣ секретаремъ, а младшій по какому-то другому вѣдомству службу проходилъ.... Ну-съ, такъ въ одно утро младшій собрался и ушелъ на службу: день былъ будній, а старшій

сидѣлъ еще себѣ дома въ кабинетѣ — дѣла, да бумаги перечитывалъ: готовился, знать, къ докладу,— какъ входитъ человѣкъ его и говоритъ, что къ нему пришелъ какой-то купецъ и хочетъ его видѣть. Ладно.

— Проси! — говоритъ Семенъ Ѳедоровичъ, что ему тамъ нужно?...

Человѣкъ ушелъ, попросилъ бороду, вышелъ и Семенъ Ѳедоровичъ изъ кабинета.

Что вамъ угодно?—спрашиваетъ.

— Да по дѣльцу къ вашей милости, говоритъ борода.

— По какому?...

— А вотъ, извольте видѣть, говоритъ, я золотопромышленникъ Деньгинъ—изъ Сибири пріѣхалъ, имѣю тяжбу съ купцомъ Лаптевымъ о золотыхъ пріискахъ и дѣльцо-то это перешло къ вамъ и находится въ рукахъ вашихъ, такъ будьте такъ.... тово.... нельзя-ли порѣшить его въ мою пользу?... будьте благонадежны, в-бдіе—ничего не пожалѣю.

— Напрасно вы, говоритъ ему Семенъ Ѳедоровичъ, безпокоились и приходитъ ко мнѣ: ваше дѣло не правое—читалъ я его и вы—никогда его не выиграете....

— Да, вѣдь, есть же въ дѣлѣ основанія, взъѣлась, было, борода.

— Не основанія, а крючки, скажите лучше, говоритъ Семенъ Ѳедоровичъ, но я за крючки не

цѣпляюсь и совѣстію не торгую: законъ и правда для меня выше всего....

— Какъ же быть?

— Да никакъ....

— Двѣсти тысячь не пожалѣю!...

— Хоть два милліона—не возьму!...

— Сдѣлайте милость!...

— Никакой милости!... Лучше не просите!...

И Семенъ Ѳедоровичъ, не дожидаясь дальнихъ разговоровъ, повернулся и—ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Борода постояла маленько, пожала плечами, взялась за шапку и—тоже ушла. . . . . .

. . . . . .

„Ничего не подѣлаешь съ проклятымъ, заговорилъ по приходѣ домой Деньгинъ, не беретъ, подлецъ, ничего, а помимо его никуда не поѣдешь, да и спасенія-то, по дѣлу, выше нѣтъ: хоть и не бери на апелляцію.... Эхъ, кабы на его мѣстѣ, да другой приказный былъ: тогда-бъ дѣльцо какъ по маслу-бъ пошло, не всѣ же такіе святые!... Однако надо же чѣмъ-нибудь порѣшать.... недаромъ же сюда забился“ . . . . . .

. . . . . .

— Эй, Трофимъ! — закричалъ Семенъ Ѳедоровичъ своему лакею, по уходѣ Деньгина.

— Чего изволите?

— Когда придетъ еще когда-нибудь вотъ этотъ

бородачъ, котораго ты сейчасъ видѣлъ,—не принимать!...

— Слушаю-съ!

Такъ значитъ—между ними дѣло и разошлось. Еще раза два приходилъ къ Семену Ѳедоровичу Деньгинъ, но его уже не принимали. Между-тѣмъ дѣло его вскорости должно было пойти въ ходъ.

———

— Ну-съ, такъ какъ же, любезнѣйшій мой Кирила Ѳедотычъ?—говорилъ, спустя нѣсколько времени, сидя въ ресторації, Деньгинъ другому лицу, сослужишь мнѣ службу, про которую я тебѣ надысь сказывалъ?...

— Отчего не сослужить, отвѣчалъ тотъ, былобы за что....

— Останешься, братецъ, доволенъ...

— Да что доволенъ!... Ты сказывай напрямую—сколько дашь?...

— Ну, трехъ тысячь будетъ?...

— Нѣтъ, братъ, за три—не стану....

— Да сколько же тебѣ?

— Шесть дашь—такъ пожалуй....

А меньше-то нельзя?

— Ни гроша!

— Ну, — быть по-твоему!... А въ задатокъ сколько хошь?...

— Давай половину.

— Жирно, братъ, будетъ.... Бери тысячу рублевъ, а остальные, когда дѣло сдѣлаешь....

— Ну, ладно! И за то согласенъ...

Деньгинъ тутъ же отсчиталъ Ѳедотычу тысячу рублей и они разстались....

Хорошо-съ. Прошло послѣ этого эдакъ съ пол-мѣсяца, аль съ мѣсяцъ отколесило; время было зимнее—декабрь мѣсяцъ наступалъ; холодъ—хоть носу на улицу не показывай; дѣло было уже въ уѣздѣ. Одинъ крестьянинъ нашей же губерніи выѣхалъ какъ-то спозаранку изъ своей деревушки въ лѣсъ дровъ нарубить.... Нарубилъ тамъ ихъ, сколько нужно было, взвалилъ на телѣгу, стегнулъ лошаденку и — маршъ въ деревню назадъ. По дорогѣ нужно было ему переѣзжать небольшой мостъ черезъ рѣчку. Подъѣхавши къ мосту, мужикъ остановилъ лошаденку, а самъ за какою-то своею надобностію пошелъ подъ мостъ. Подошелъ, это, знаете, глядитъ: подъ мостомъ на льду огромнѣйшій сундучище, весь окованъ желѣзомъ и запертъ висячимъ замкомъ. Затрясся мужикъ отъ радости. „Ну, думаетъ себѣ, слава-те Христосъ!... Поживемъ теперь.... Не весь же вѣкъ горе мыкать“.... Оглядѣлъ сундукъ, поднялъ съ одной стороны—тяжелъ: знать много добра.... „Что же дѣлать?—думаетъ, тащить теперь на телѣгу?—неладно: того и гляди кто-нибудь завидитъ—вѣдь день деньской,

да и въ деревню, когда въѣдешь—проходу не дадутъ, отнимутъ, пожалуй.... Нѣтъ ужъ лучше подожду ночи, а тамъ одинъ Господь, да я будемъ вѣдать"... И, недолго думая, мужикъ нашъ вылѣзъ изъ-подъ моста, повернулъ лошаденку и поѣхалъ обратно въ лѣсъ. Дождался ночи. Наступила темень. Тогда онъ выбросилъ изъ телѣги дрова, подъѣхалъ подъ мостъ, стащилъ на телѣгу сундукъ, самъ сверху сѣлъ, стегнулъ по тому и другому ребру лошаденку и скорымъ шагомъ маршъ-маршъ въ деревню. Пріѣхалъ. Сейчасъ же бабу свою—на ноги (бездѣтный мужикъ былъ; только баба у него и велась). Эта зажгла лучину. Мужикъ суетился около телѣги.

— Подь-ко сюды, Акулина! — говоритъ, сташшимъ....

— Полѣнья-то.... Утро-сь успѣемъ....

— Како полѣнья!... Поди, дура, погляди.... Господь милость послалъ.... На силу доташшилъ...

Баба—вышла.

— Глядь, подитъ-кось, сундучище-то, сундучище, заговорилъ мужикъ.

Баба—одурѣла отъ радости . . . . . .

. . . . . .

Между-тѣмъ около этого самаго времени заявляютъ управленію нашего квартала, что оба брата Петровы, отлучившись изъ квартиры своей такого-то числа, обратно домой не явились. А нужно вамъ сказать, что жили-то они въ нашемъ кварталѣ и

надзирателемъ въ то время былъ извѣстный уже вамъ Илья Петровичъ Шельмобитовъ, а я у него— письмоводителемъ. Ну-съ такъ заявляютъ намъ объ отлучкѣ братьевъ Петровыхъ. „Не диковину, думаемъ, сказываете“. Мы, конечно, сейчасъ же за свое дѣло принялись: лакея ихъ за бока: когда, молъ, какъ и куда отлучились господа его. Лакей показалъ, что бары его, уѣхавши вечеромъ къ такому-то господину на балъ, съ балу не возвращались, — причемъ указалъ и на домъ, гдѣ жилъ господинъ тотъ. Бросились мы съ Ильей Петровичемъ туда; тамъ подтвердили, что дѣйствительно Петровы были у нихъ въ гостяхъ на балу и, вмѣстѣ съ прочими, съ балу уѣхали... Что тутъ больше было толковать?... Опечатали мы квартиру Петровыхъ, велѣли домовлалѣльцу подать явку объ отлучкѣ ихъ, а сами донесли объ этомъ, для свѣдѣнія, по начальству....

— Радуйтесь, батенька, Степанъ Ѳедулычъ, заговорилъ, придя въ квартиру Деньгина и обращаясь къ нему, тотъ же самый Кирила Ѳедотычъ, который былъ съ нимъ въ ресторацiи, радуйтесь!... Дѣльцо-то ваше покончено знатно!... Теперь позвольте разсчетецъ получить....

— Изволь, братецъ, изволь!... Признаться, я не ожидалъ, что ты такъ ловко смастеришь... Спасибо за службу!... Только смотри держи ухо востро....

— Объ этомъ не безпокойтесь: знаю свое дѣло....

Деньгинъ вынулъ изъ бумажника пять тысячь и отдалъ ихъ Ѳедотычу. Этотъ взялъ, распрощался и ушелъ.

„Ну, слава Богу, говорилъ самъ съ собою, оставшись одинъ Деньгинъ, теперь—значитъ—моя взяла“.

. . . . . Я вамъ сказывалъ раньше какъ мужикъ сундукъ привезъ.... Стащилъ онъ его, съ бабой, въ избу и — давай около его валандаться. Отшибъ обухомъ замокъ, анъ нѣтъ — внутреннимъ еще запертъ. Принесъ ломъ, долото, всѣ какіе были дома инструменты, насилу кое-какъ своротилъ крышку. Открылъ — видитъ: сверху одѣяло; поднялъ—и замертво оцѣпенѣлъ.... подъ одѣяломъ—куски человѣческаго мяса намелко изрубленные: то кисть руки, то брюшина, то пол-головы и т. п.... Баба стояла тутъ-же—присвѣчивала. Едва завидѣла все это, такъ трясучка ее и ударила: бросила и лучину и все да опрометью — на печку; забилась въ уголъ — сидитъ крестится, да молитву творитъ. Мужикъ, между-тѣмъ, прихлопнулъ крышку и хотя тоже перетрусился до-нельзя, однако кое-какъ собрался съ духомъ, зажегъ лучину, досталъ съ полатей толстую веревку, опоясалъ ею сундукъ на всѣ четыре стороны, скрутилъ палкою....

— Что дѣлать теперь Акулина?—говоритъ.

Акулина сидитъ на печкѣ—молчитъ.

— Чаво, вѣдьма, молчишь?

Акулина—ни слова.

— Я те говорю Акулина, слышь?... Не то ребры перешибу....

Акулина очнулась.

— Что те, лѣшай, надо?—говоритъ.

— Какъ быть-то?...

— Какъ знашь: самъ, вѣдь, привезъ....

— Привезъ!... Чаво привезъ?... Да подь анафема, хоша на телѣгу сташшить пособи!... къ становому, знать, надыть.

Баба заартачилась—не лѣзетъ съ печки, боится. Однако таки мужикъ стащилъ ее, — при чемъ два тумака въ шею далъ, запрегъ опять лошаденку, взвалилъ сундукъ на телѣгу и — отправился въ станъ.

Въ стану задержали мужика до утра: „утро, молъ, вечера мудренѣе“. На другой день опросили его какъ дѣло было. Мужикъ, разумѣется, показалъ всю подноготную: какъ онъ въ лѣсъ за дровами ѣздилъ, какъ сундукъ подъ мостомъ нашелъ, какъ привезъ его домой, а оттуда—въ станъ, однимъ словомъ, все до-тла разсказалъ. Сняли съ него показаніе. Приступили, затѣмъ, къ осмотру сундука. Осмотрѣли и — по осмотру — оказалось: сундукъ большаго размѣра, дубовый, обитый желѣзомъ, съ двумя замками, висячимъ и внутреннимъ; въ сундукѣ: старое одѣяло до половины въ крови, подъ одѣяломъ — разрубленные на мелкіе

куски два человѣческихъ трупа, между которыми, на самомъ днѣ сундука, найдены четыре новенькихъ, лакированныхъ мужскихъ штиблета съ обутыми въ нихъ, отрѣзанными по косточки, ногами.... Составили, конечно, объ этомъ актъ при бытности уѣзднаго врача....

Сами, теперь видите, что по этимъ признакамъ — ничего нельзя было добиться: изъ порубленныхъ кусковъ рожи не склеишь вѣдь. Оставались одни штиблетки. Но и тутъ задача: кому они принадлежатъ? Мало-ли на свѣтѣ штиблетокъ!... Становой думалъ, думалъ, да и придумалъ: „въ деревнѣ, разсуждалъ онъ, штиблетокъ некому носить, да, пожалуй, и въ уѣздѣ — тоже: все народъ, что называется, лапотникъ; нѣтъ, — это, должно быть изъ городскихъ“, — и, не говоря худаго слова, бухъ къ намъ въ губернію штиблетки, для предъявленія цеховымъ мастерамъ: не признаетъ-ли кто изъ нихъ штиблеты за свою работу и кому таковые были дѣланы. Сундукъ съ трупами оставилъ у себя въ стану, а мужика, который привезъ его, отпустилъ въ деревню, отдавъ его впредъ до разъясненія дѣла на поручительства....

Пріѣхали къ намъ въ городъ штиблеты. Ходили, ходили по всѣмъ кварталамъ — нигдѣ мастера къ нимъ не нашлось, напослѣдокъ забрались и къ намъ. Мы, тоже, въ свою очередь пошли носить штиблеты по кварталу. Приходимъ это къ одному сапожнику — нѣтъ; приходимъ къ другому — тоже;

приходимъ къ третьемъ—не тутъ-то было; наконецъ приходимъ къ четвертому — нѣмцу, предъявляемъ ему штиблеты.

— Не твоя-ли это работа? спрашиваетъ Илья Петровичъ.

Нѣмецъ взялъ штиблеты, повернулъ ихъ въ рукахъ раза два, поглядѣлъ....

— Я!—говоритъ, по-нѣмецки, а по-нашему выходитъ—да!...

— Ну, коли я, говоритъ опять Илья Петровичъ, такъ не можешь-ли сказать—для кого ты ихъ дѣлалъ?

— Мошна!... Кажись каспадынъ Петровъ....

Но, впрочемъ, не довѣряя себѣ, нѣмецъ, по своей аккуратности, полѣзъ въ свой сапожный шкапъ, вынулъ оттуда кипу мѣрокъ, пересмотрѣлъ чуть не всѣ, выдернулъ двѣ, примѣрялъ по-очередно то къ той, то къ другой парѣ штиблетъ.

Я-а-а!... Каспадынъ Петровъ....

— Хорошо, говоритъ Илья Петровичъ, можешь-ли ты удостовѣрить письменно, что штиблеты эти ты дѣйствительно дѣлалъ для господъ Петровыхъ?...

— Зачѣмъ — не мошна!... мой работъ свой снаитъ....

— Ну, такъ пиши — это мнѣ — говоритъ Илья Петровичъ, удостовѣреніе, что присланные изъ такого-то стана двѣ пары штиблетъ признаны та-

кимъ-то мастеромъ за штиблеты своей работы и сдѣланы были имъ для двухъ братьевъ Петровыхъ.

Ладно. Я принялся — накаталъ, подалъ нѣмцу подписку,—нѣмецъ расписался. Не было, значитъ, теперь никакого сомнѣнія, что братья Петровы были убыты. Ушли мы отъ нѣмца. А какъ я уже вамъ прежде сказывалъ, что объ отлучкѣ Петровыхъ мы доносили начальству, то и теперь, обстоятельство это представили на его усмотрѣніе: „пусть какъ знаютъ, такъ и дѣлаютъ“, думаемъ. Тамъ прочитали, взвели плечами: „ты Господи вѣдаешь!“— говорятъ, призвали Шельмобитова и поручили ему сдѣлать строжайшій розыскъ по этому дѣлу....

Метнулись мы съ Ильей Петровичемъ. Сначала—прямо въ квартиру Петровыхъ. Сейчасъ же всю дворню—какая только дома была—на показъ; всѣхъ перепросили; у всѣхъ требухи, обыскомъ, перетормошили; бились, бились—нѣтъ даже и слѣда никакого; вся дворня, въ томъ числѣ и лакей Петровыхъ, только и твердятъ: знать ничего не знаемъ, вѣдать — не вѣдаемъ.... Что вы тутъ прикажете дѣлать?... Заперли ворота, арестовали — пока — всѣхъ, тюрьмою, голодною смертію стращали—ничего не беретъ....

— Сними-ка, говоритъ мнѣ Илья Петровичъ, съ лакея подробный допросъ.

Я принялся, а самъ онъ пошелъ опрашивать

въ домѣ жильцовъ—не слыхалъ-ли, или не знаетъ-ли кто чего....

Сѣлъ я—допрашиваю . . . . . .

. . . . . .

— Ну, кто къ барамъ твоимъ ходилъ?...

— Да, много господъ шлялось.... Богъ ихъ знаетъ.... всѣхъ не запомнишь....

— А чаще всѣхъ кто?...

— Да одинъ ихній товарищъ... какъ бишь ихъ?.. вмѣстѣ съ ними служатъ....

— Тутъ не о товарищѣ дѣло. А ты сказывай—кто изъ вашего братъ халдея къ нему приходилъ?..

— Ходить-то изъ нашего брата никто не ходилъ: не намъ съ барами знаться, а какъ-то къ Семену Ѳедоровичу купецъ приходилъ—значитъ, да Кирила Ѳедотычъ, что въ кучерахъ у нихъ прежде служилъ, а больше—никого не было.

— Что-жъ имъ баринъ?...

— Да ничаво. Когда купецъ, первый-то разъ отъ насъ ушелъ, баринъ не велѣлъ его принимать, ну, такъ я дѣло свое исправлялъ: раза три еще приходилъ, я—и не допускалъ....

— А кто этотъ купецъ?

— Этого, взапрямъ, не могу знать.... какой-то богатый изъ Сибири, сказывался, пріѣхалъ.... давалъ, напервась, барину что-то много денегъ—за что и прочто—не знаю, да баринъ не взяли.... велѣли не принимать....

— А фамиліи его не помнишь?

— Совсѣмъ не знаю. Я и барину такъ докладывалъ, что, молъ, купецъ пришелъ....

— Ну, хорошо. А Кирюшка Ѳедотовъ зачѣмъ приходилъ?...

— Не знаю.

— А не слыхалъ-ли, что баринъ ему сказывалъ?...

— Нѣтъ, не слыхалъ, они далече отъ меня въ кабинетѣ были.... послѣ Кирюшка и ушелъ....

— Гдѣ-жъ онъ теперь?

— Въ деревню, сказываютъ, уѣхалъ.

— Какъ-же бары твои пропали и не знаешь-ли кто убилъ ихъ?...

— Уѣхали на балъ и — не пріѣзжали, а кто убилъ ихъ—Господь вѣдаетъ, я ничего не знаю....

Довольно!... Пришелъ Илья Петровичъ. Я ему доложилъ показаніе лакея.

— Арестовать его въ секретномъ нумерѣ!...

Спровадилъ я лакея въ часть; остальную дворню мы распустили, а сами отправились въ кварталъ.

— Ну, братъ, говоритъ мнѣ Илья Петровичъ, когда пришли въ контору, собирайся-ка въ путь-дороженьку.... Ѣдемъ!...

— Куда?

— Надо-же, вѣдь, розыскать этого-то молодца Кирюшку, авось дѣло и будетъ въ шляпѣ... О-о-хъ какъ тутъ не чисто!!! А, ты разспросилъ — какой онъ губерніи, уѣзда и села?...

— По книгамъ квартальнымъ, говорю, можно

справиться, вѣдь онъ у насъ проживалъ—оно вѣрнѣе будетъ....

— Ну, такъ справляйся же скорѣе, да сію-жъ минуту и облачайся—мѣшкать него.

Навелъ я справку—какой губерніи, уѣзда и деревни былъ помянутый Кирила Ѳедотовъ, наскоро послалъ за пол-штофомъ на дорогу.... Сѣли мы съ Ильей Петровичемъ и—маршъ-маршъ на бѣшеныхъ....

По дорогѣ завернули въ станъ, гдѣ находился сундукъ съ тѣлами, кое-что тамъ поразспросили, взглянули на сундукъ и что въ немъ было, взяли понятыхъ и—въ деревню къ Кирилѣ Ѳедотову въ гости. Пріѣзжаемъ. Парень дома. Жилъ онъ бобылемъ: изъ семьи никого не было. Оцѣпили кругомъ избу, чтобъ холоду, знаете, больше нагнать. Вошли. Чуть въ двери — парень нашъ встрехнулся, всталъ съ лавки, на которой сидѣлъ,—поклонился...

— Здравствуй, братецъ!—заговорилъ, войдя въ избу Илья Петровичъ,—ты крестьянинъ Кирило Ѳедотовъ?...

— Я, батюшка, я ваше в-діе, отвѣтилъ мужикъ, милости просимъ!...

— Нѣтъ, братъ не въ гости мы къ тебѣ пришли, а за твоею душою.... Кайся!... Нечего тебѣ грѣха скрывать.... все знаемъ....

Илья Петровичъ сѣлъ на лавку—на столъ облокотился.

— Да въ чемъ же каяться-то, ваше в—діе? съ притворнымъ равнодушіемъ спросилъ мужикъ.

— О, полно праведнаго-то корчить!—Вѣдь ты сундукъ подъ мостъ завезъ? — Говори, братецъ, правду—оно, право, лучше будетъ....

Мужикъ, какъ ни силился, однако перемѣнился въ лицѣ.

— Про что вы сказываете ваше в—діе?... Ей-богу, я ничего не разумѣю!...

А самъ не знаетъ куда свои буркалы дѣвать.

— Не божись Богомъ—покараетъ.... лучше кайся!... Ну-же говори!... Ты вѣдь уходилъ братьевъ Петровыхъ?

Илья Петровичъ сказалъ это и выпучилъ на мужика глаза—мужикъ, замѣтно, поблѣднѣлъ.

— Что хотите говорите, а я все-таки ничего не знаю.

— Ну, коли ты не знаешь, такъ мы знаемъ, грозно произнесъ Илья Петровичъ, подступая къ Ѳедотову, слышишь? — мы знаемъ!... Соцкій, кандалы сюда!... Въ кандалы его!...

Мужикъ оторопѣлъ. Принесли кандалы, заковали его: „авось, думаемъ, струситъ — можетъ и сознается“; приставили къ нему караулъ, а сами занялись обыскомъ въ его имуществѣ. Чего ужъ мы ни дѣлали, гдѣ насъ ни носило?... Словомъ, рылись, рылись, всѣ мышиныя норки перешарили, копну сѣна на дворѣ своротили, курятникъ перещупали, крышу на избѣ всю поизлазили, хлѣвъ

перетрясли — нигдѣ ничего нѣтъ, хоть тресни — вездѣ чисто—гладко.... Только начали мы уже изъ хлѣва выступать — обратно въ избу возвращались, чтобъ настращать еще разъ мужика, а коли не сознается, то — чортъ съ нимъ — расковать и выпустить, какъ Илья Петровичъ наткнулся на стоявшее тутъ же корыто, что свиньи помои хлѣбаютъ. И откуда, Богъ его ужъ знаетъ, нашла на него мысль такая!...

— Стой! — говоритъ.

Мы повернули оглобли.

— Долой съ мѣста корыто!

Соцкій и одинъ изъ понятыхъ смахнули корыто въ сторону.

— Не тутъ-ли кладъ?... Вишь земля-то рыхловата.... Заступъ сюда!... Копай!...

Принесли заступъ—пустили въ землю. Копнули разъ—другой—ничего, идетъ, дальше, дальше—рогожа...

— Валяй, валяй!... Шибче, шибче! — приказывалъ Илья Петровичъ.

Наконецъ—отрыли.

— Тащи на верхъ! — говоритъ Илья Петровичъ.

Вытащили, развернули рогожу, осмотрѣли что въ ней было — глядимъ: двѣ пары мужскаго бальнаго платья и двѣ сорочки, въ крови, послѣднія съ вензелемъ Петровыхъ.... „Такъ вотъ она шту-

ка!... Вотъ гдѣ кладъ-то былъ!.... Теперь — ясно!".

. . . . . .

Ну, что?... Не говорилъ ли я тебѣ—не божись напрасно Богомъ - покараетъ? — заговорилъ Илья Петровичъ, входя въ избу, съ вещами въ рукахъ и обращаясь къ Ѳедотову, — это что?... Смотри!...

Мужикъ взглянулъ и затрясся, какъ осиновый листъ.

— Что-жъ?... И теперь станешь запираться?... И теперь правды не скажешь?...

— Нечего говорить, ваше в-діе....

— Откуда же вещи эти взялись?... Съ неба упали, что-ли?...

— А Богъ ихъ знаетъ откелева—я ничего не знаю.

— Да, вѣдь, у тебя же въ хлѣвѣ были они?...

— Знать, другой кто подкинулъ, а я все-таки ничего не знаю.

Что вы съ такимъ идоломъ прикажете дѣлать? Уперся, какъ видите, точно быкъ на бойнѣ, стоитъ на одномъ и — баста. Да, впрочемъ, и толковать намъ съ нимъ больше было нечего: улика была на лицо. Ну-съ, такъ мы снарядились, взяли открытыя въ хлѣву вещи съ собою, разбойника — Илья Петровичъ велѣлъ спровадить подъ строгимъ карауломъ къ намъ, въ городъ, для содержанія въ тюремномъ замкѣ, сами сѣли на тройку куцыхъ-обывательскихъ и уѣхали въ обратный путь....

Пріѣхали. Первымъ долгомъ—освободили лакея, предъявили ему платье: онъ призналъ за принадлежавшее господамъ его. Потомъ Илья Петровичъ отправился съ докладомъ къ начальству. Послѣ доклада его велѣно было произвести строжайшее слѣдствіе.... Загорѣлось дѣло....

Между-тѣмъ, пока мы гоняли изъ конца въ конецъ зайца: производили всѣ эти розыски да поиски, — золотопромышленникъ Деньгинъ — какъ на органахъ велъ свое дѣло. На мѣсто Петрова сѣлъ другой дѣляга, — чего Деньгину только и нужно было,—взялъ съ него не двѣсти тысячь, а можетъ быть половину того, коли не меньше и дѣло приготовлялъ къ рѣшенію въ его пользу. Деньгинъ торжествовалъ. Вдругъ покой его нарушили извѣстіемъ, что пріятель его Кирила Ѳедотычъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму за убійство братьевъ Петровыхъ, и что на дняхъ его поведутъ къ допросу....

„Скверно же дѣло!—думалъ про себя Деньгинъ, расхаживая быстрыми шагами по комнатѣ.... Что, ссли онъ на меня покажетъ, что я его на эту штуку натравилъ? Вѣдь скверная исторія выйдетъ!... Эхъ, оселъ, оселъ.... Что-жъ мнѣ теперь подѣлать?... Гм!... А надо увильнуть непремѣнно.... Ну, да что тутъ долго думать?... Была—не была!... Разъ проѣхали—прокатимъ и въ другой, авось и это удастся.... Хоть и жаль мнѣ тебя, Кирюшка, и спасибо всегда скажу, что ты за мои шесть пачекъ радуж-

ныхъ не одного, а двухъ братцевъ изъ усердія на тотъ свѣтъ спровадилъ,—однако, знаешь,—своя сорочка ближе къ тѣлу.... Такъ извини, любезный....“

Сказавъ это, Деньгинъ одѣлся и—отправился....

. . . . . .

. . . . . .

— Ваше в-діе, а ваше в-діе! Спасите ради Бога! — говорилъ послѣ этого Деньгинъ смотрителю тюрьмы, наединѣ, въ его квартирѣ....

— Да что-жъ тамъ такое съ вами случилось?— спрашивалъ тотъ.

— Напасть, ваше в-діе.... спасите!...

— Отъ чего же?... Скажите!...

— А вотъ отъ чего: у васъ, въ тюрьмѣ, содержится одинъ арестантъ за убійство братьевъ Петровыхъ какихъ-то, кучеромъ у меня прежде былъ, Кирилою Ѳедотовымъ прозывается. Ему до бѣды теперь — извольте видѣть — пришлось, такъ онъ, чтобы дѣло-то свое поправить,— знаетъ, подлецъ, что я человѣкъ богатый,—и думаетъ показать, что, дескать, я его подкупилъ сдѣлать эту пакость: объ этомъ мнѣ навѣрнякъ сказывали. Такъ сдѣлайте милость, ваше в-діе — избавьте меня отъ этой напасти!... Что хотите—берите. Я, вѣдь, человѣкъ, слава Богу, порядкомъ-таки живу на свѣтѣ.... Знаютъ меня добрые люди...

— Да какъ же я могу избавить васъ отъ это-

го? Ужъ коли онъ хочетъ такъ показать на васъ, то что-жъ я тутъ сдѣлаю? Рта, вѣдь, не зажмешь....

— Э, ваше в-діе, было-бы хотѣніе — можете!...

— Какимъ же образомъ?...

— Гм!... А развѣ прежде примѣровъ-то у васъ и не было?... Вѣдь вы знаете, что разбойнику плетей не миновать: все равно околѣетъ, такъ ужъ лучше его теперь.... тово.... порѣшить—оно и ему легче будетъ, я отъ хлопотъ избавлюсь, ну и вы на весь вѣкъ счастливы будете — ничего не пожалѣю....

— Какъ, это, тово.... порѣшить?...

— Да просто — мышьяку, либо чего тамъ другаго позаористѣе.... Простите, ваше в-діе! Я человѣкъ ужъ старый — люблю прямо и коротко говорить....

Смотритель вздрогнулъ, понявши въ чемъ дѣло. Прошелся раза два по комнатѣ, не говоря Деньгину ни слова. Потомъ остановился передъ нимъ—вытянулся. А нужно вамъ сказать жадная, шельма, былъ—жидъ, душа—что твои потемки!...

— Насъ тутъ двое, говоритъ Деньгину.... Хорошо.... Пожалуй — я согласенъ.... Ну, а что вы мнѣ за это дадите?...

— Двѣнадцать тысячь довольно?...

— Нѣтъ, мало!...

— Ну, двадцать?...

— За эти—пожалуй.... Давайте деньги!...

Деньгинъ—выложилъ двадцать тысячь....

*

Въ это самое время въ конторѣ тюремнаго замка получено отношеніе слѣдователя о высылкѣ на утро другаго дня арестанта Кирилу Ѳедотова, для допроса по дѣлу объ убійствѣ братьевъ Петровыхъ.

Заходилъ нашъ смотритель . . . . . .

. . . . . .

Вечеромъ. Кирюшки—не стало . . . . . .

На другой день, въ отвѣтъ на отношеніе слѣдователя, послано было отъ смотрителя увѣдомленіе, что арестантъ Кирило Ѳедотовъ вчерашняго числа, въ 10 часовъ вечера, волею Божіею, отъ апоплексическаго кровянаго удара,—помре, а потому и къ слѣдствію высланъ быть не можетъ. Въ тотъ же самый день и Кирюшку спровадили на кладбище.... А дѣло о смерти братьевъ Петровыхъ предали на судъ Божій впредь до обнаруженія убійцы....

Вскорости послѣ этого богатый дормезъ, запряженный четвернею вороныхъ, выѣзжалъ изъ нашего города. Въ немъ сидѣлъ Деньгинъ. Поровнявшись съ домомъ, гдѣ жили Петровы, онъ взглянулъ на окна. „А что, баринъ, заговорилъ онъ самъ съ собою, не хотѣлъ брать двѣсти тысячь, такъ крестъ получилъ, да еще большой деревянный: не подставляй, значитъ, ноги двойка, коли тузъ идетъ, а

все-таки дѣльцо свое выигралъ! Другой—не такой дуракъ былъ какъ ты.... Жаль только братца твоего: напрасно, бѣднягу, прихлопнули, мнѣ тебя-то одного надо было.... ну, наука—не ѣзди вмѣстѣ.... А тебѣ, Кирюшка, спасибо!...“

И дормезъ—скрылся.

Такъ вотъ оно какъ, сударь мой, иногда обдѣлывались дѣлишки!... Говорите же, послѣ этого, что мы одни—да приказные на пакость способны....

Цѣна **75** коп. сер.

LIBRARY OF CONGRESS
00023288904